

Эрве Гибер

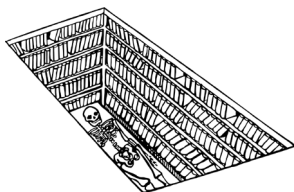
ПОРОК

*Перевод
Алексея Воинова*

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 ФР

Hervé Guibert
Vice

Редактор: Дмитрий Волчек
Обложка: Алексей Кропин
Верстка: Сергей Фёдоров
Корректор: Кирилл Путресцинов
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

*Благодарим Сергея Воронцова за помощь
в издании этой книги*

© Editions GALLIMARD, Paris, 2013
© Kolonna Publications, 2015
© Алексей Воинов, перевод, 2015

ISBN 978-5-98144-206-3

От издателя¹

Первое издание «Порока» было опубликовано Жаком Бертюаном осенью 1991 года за несколько месяцев до кончины Эрве Гибера. Однако замысел книги появился задолго до публикации. Тексты были написаны в конце 1970-х годов. Эрве Гибер несколько раз упоминает о работе над рукописью «Порока» в начале своего дневника «Мавзолей любовников». Все фотографии сделаны в 1978 году. Они сняты в музее Гревен, во Флоренции, в музее Человека и в музее Ветеринарной школы. 3

Таким образом, «Порок» относится к тому же периоду, что и первые произведения Эрве Гибера: опубликованная в 1977 году «Смерть напоказ» и фотороман «Сюзанна и Луиза».

1 Предисловие французского издания, вышедшего в 2013 году в «Галлимаре» (здесь и далее прим. переводчика).

Он шел по улице.

5

Ему вдруг захотелось перенестись в термы, погрузиться в волны порока (соответствующие действия и декорации).

Он был готов заплатить за вход, чтобы очутиться в порочной атмосфере, однако кинозалы, где показывали порно, казались ему ничтожными...

ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ

(Перечень предметов из дорожной сумки
путешествующего по Бугенвилю)

Расческа

Расческа – предмет, сделанный из слоновой кости, панциря черепахи или рога, изначально ее зубцы крепились к деревянному основанию. Она служит для того, чтобы расчесывать волосы, разделяя их пробором, позволяющим увидеть корни волос и белую кожу головы. Расческа становится предметом бесполезным, вызывающим ностальгию, когда человек лысеет. Чаще всего он швыряет кусок эбонита плавиться в огне или же наоборот, бережно хранит его, словно реликвию, воспоминание о счастливом и насыщенном времени. Тогда расческу кладут в небольшой футляр, плотно облегающий каждый зубчик. Лысые придают такое значение сохранности зубчиков расчески потому, что видят в поломке любого из них предзнаменование еще более зловещее, чем потеря волос. 9

Ватные палочки

- 10 Ватные палочки, – употребляемые, чтобы извлечь из ушных раковин небольшие, желтые, жирные и восковидные, чуть горьковатые выделения, называемые ушной серой, – сделаны из деревянных палочек, на концах которых скрутили немного ваты. Ватные палочки продаются в коробочках по сто штук в аптеках и супермаркетах. Однако некоторые семьи считают бесполезной и излишней роскошью подобную покупку и самостоятельно делают ватные палочки, используя сломавшиеся спички или палочки от леденцов, концы которых обстругивают перочинным ножом, чтобы удобнее было обернуть вокруг вату. Фабричные «Ватные палочки» и ватные палочки домашнего изготовления служат одной и той же цели, то есть чистке ушей, и могут вызывать приятное раздражение тканей ушных лабиринтов, если проводить ими там по несколько раз или же совать их в еще неисследованных направлениях по соседству с передающей звук прозрачной фиброзной мембраной, провоцируя небольшой спазм, например, если этим занимается ребенок или если взрослый

знает, как правильно это делать. Некоторые женщины используют также ватные палочки, смоченные спиртом, чтобы протирать детям пупки, или же пропитывают ватные палочки растворителем, чтобы стереть с кожи лак, когда делают маникюр. Некоторые люди заявляют, что использование ватных палочек только вредит: те могут легко проткнуть барабанную перепонку, к тому же они лишь глубже проталкивают ушные выделения, из которых образуются небольшие пробки, они затвердевают и со временем могут заполнить и закупорить проход, соединяющий среднюю часть уха с той, что глубоко внутри, навсегда лишив способности различать звуки. Наши прабабки использовали вместо ватных палочек простые железные шпильки для волос.

Давилка для угрей

- 12 Давилка для угрей – плоский удлиненный инструмент из прочного материала, железа или другого металла, с лопаточкой на одном из утолщенных концов, дабы, прижав его к коже, можно было выудить из образовавшегося в одной из пор дермы жирного прыща белый скручивающийся серпантин – иногда весьма длинный. Чаще всего с другой стороны давилки для прыщей есть более острый кончик в виде треугольника, заменяющий полезную пилку для ногтей, предназначенную для приведения в порядок неухоженных ногтей или удаления заусенцев, и не вполне понятно, как можно использовать этот маленький некрасивый инструмент для извращенных целей.

Сопливник

«Сопливник» – всего лишь грубое, пародийное название носового платка («сопливник», «подтиралка»). В стране былого, где гигиене уделялось особенное внимание, оно также обозначало небольшое портативное устройство, сконструированное по образцу доильного аппарата, которое холостые мужчины могли в любой момент подключить к выступающему органу внизу живота, дабы извлечь наружу и взбить, превращая в мелкую летучую пудру, свежий продукт их семенных пузырьков. 13

Банная рукавица

- 14 Прежде всего, в банную рукавицу, конечно, засовывают руку, но рукавица эта сделана не из шелка или кружев, а из грубого материала, обычно из перепутанных веревок, который слегка царапает кожу. Люди растираются одеколоном или подавляющей половое влечение камфарой дабы согреть ноющие мышцы или смыть старую кожу. Банная рукавичка – вещь, скорее, мужская, предназначенная для того, чтобы укреплять тело, однако некоторые женщины, чья кожа не переносит ни струй воды, ни щелочи, охотно ею пользуются.

Щипцы для ногтей

Щипцы для ногтей находятся рядом со щеткой, подушечкой для полировки, пилочкой, ножницами и лаком в сумочке маникюрного набора, предназначенного для ухода за ногтями рук или ног. Это наиболее опасный предмет: двумя острыми, резко смыкающимися при нажиме лезвиями он отхватывает, кромсает один за другим малюсенькие кусочки кожи вокруг ногтя, а самая острая и режущая при сжатии рукояток часть его довольно узка. Дабы снивелировать, выровнять оставленные щипцами засечки и сделать их труд незаметным, нужно воспользоваться пилочкой. Таким образом, будучи не столь совершенными, щипцы для ногтей грозят тем, что в любой момент могут соскользнуть и рассечь мясо возле ногтя, оставив заметный порез.

Щипцы для завивки ресниц

- 16 Предметы, более всего похожие на щипцы для завивки ресниц, используемые женщинами и некоторыми извращенцами, дабы оживить взгляд, – это щипцы для разделки улиток и щипцы для завивки волос. У щипцов для завивки ресниц, как и у ножниц, есть два кольца, в которые следует просунуть пальцы, – однако щипцы ничего не режут, поскольку на их концах располагаются параллельно друг другу дугообразные зажимы, захватывающие, слегка завивая, ресницы верхнего, затем нижнего века, – и две почти прилегающие к роговой оболочке ровные пластинки, прижимаемые по краям к векам, чтобы шире раскрыть глаза. От щипцов для завивки ресниц никогда не было особого толку, они лишь обесцвечивали глаза, взгляд которых должны были подчеркнуть, и постоянно растягивали веки.

Плетка

Многохвостая плетка висит вместе со щетками на потолочных крюках в темной подсобке хозяйственного магазина. Она несет на себе, на своих неподвижных шнурках, стенания наказанных детей, источает наслаждение сбившихся с пути истинного любовников. 17

Горчичник

18 Горчичник – или горчичный пластырь – это лента из ткани, тюля или бумаги, начиненная льняной мукой или молотыми черными зернышками горчицы, которую мать сначала мочит холодной водой в глубокой тарелке, время от времени окуная поглубже до тех пор, пока порошок не набухнет. Ребенок лежит в кроватке, он расстегнул на маленькой тощей груди пижамную рубашечку и страшится того мгновения, когда холодная и влажная тюлевая лента ляжет на кожу и вскоре согреет его, начнет пощипывать, затем жечь, обжигать так сильно, что он примется умолять мать снять пластырь. Она хорошенько прижала горчичник к груди ребенка и постаралась не испачкать пижамную рубашечку, которую только что застегнула на пуговицы, положив под нее слой ваты, она смотрит на часы, хотя никаких предписаний по времени использования синапизма нет, разве что предельное, невыносимое раздражение. Она говорит ребенку: «Подумай о чем-нибудь другом», «Подумай о каникулах», «Твой отец вместе с ним засыпает и всю ночь не снимает», но все мысли ребенка сосредото-

точены в этом месте на груди, в этом жаре и холоде, зуде, ране. Горчичник вызывает ревусию, он оттягивает кровь от налитого ею воспаленного или больного органа, восстанавливая кровообращение. Ребенок будет плакать, мать, к счастью, поставила на ночном столике баночку с дырочками, в которой есть тальк, и скоро злая липучка окажется всего лишь мерзким размокшим бумажным комком зеленого цвета и его бросят в мусорное ведро, а мать, приоткрыв края пижамы, посыплет покрасневшую грудь пустившим облако тальком и, будто лаская, разотрет его нежными пальцами. Сразу после этого малыш засыпает. Горчичники обязаны своим именем изобретшему их профессору Риголло¹ и так же, как медицинские банки, многохвостые плетки или рулоны согревающей ваты, смоченной в уксусе и положенной на поясницу, стали уже старомодным средством. Их практически не используют, разве что для упражнений более сладострастных.

1 Указанная фамилия и слово «горчичник» по-французски звучат одинаково и схожи по произношению со словами «занятный, смешной» и «весельчак».

Шпатель

- 20 Терапевтический шпатель, имея различные формы, – простая плоская шлифованная палочка или металлическая пластина – лежит вместе с небольшими перышками-скарификаторами в кюветке для медицинского осмотра, напоминающей по форме фасолину. Шпатель предназначен для того, чтобы пациент широко раскрывал рот, чтобы препятствовать глотанию и прикусыванию, чтобы осматривать в луче света, исходящего из зеркального конуса, закрепленного повязкой на лбу отоларинголога, ткань горла и различать за язычком рядом с миндалинами (если они есть), заполненные лимфой ядрышки, мешающие детям дышать. Терапевтический шпатель очень неприятно давит на язык, он всегда холодный и всегда мнет бархатистую поверхность языка, однако, чтобы избежать с ним контакта, достаточно лишь заверить врача, что умеешь открывать рот сам, что очень широко умеешь его открывать.

Эфирная маска

Разобранная и пустая, – некоторые составляющие завернуты в гигиеническую бумагу – груша, зажим для носа, дыхательная трубка и лежащая отдельно в деревянном ящике основная часть – баллон из резины или из олова, – эфирная маска зловеще ждет своего часа в стеклянном шкафу отоларинголога. Облегчая анестезию лауданумом и мандрагорой, после которых часто наступает полная потеря сознания, эфирная маска первоначально состояла из серебряного корпуса, куда была погружена напитанная эфиром губка, сообщающаяся по трубке с вставленным в рот и плотно прилегающим к деснам респиратором; ребенок же, которому с помощью небольшого металлического зажима не давали дышать носом, должен был вцепиться в него, вдыхая анестезирующие пары до того времени, пока не наступит полный наркоз (эфирная маска часто используется для операций на миндалинах, для обрезания). Усовершенствованное доктором Омбреданом в 1932 году устройство эфирной маски состоит с тех пор из резиновой или стальной емкости, непосредствен-

но самой маски, закрывающей всю лицевую часть (ребенка лишь просят дышать ртом, дабы избежать слишком сильного притупления работы мозга), и небольшой груши, которую ребенок жмет сам, вдыхая пары эфира до тех пор, пока не свалится недвижимый в операционное кресло.

22 Такого рода анестезия вызывает лишь частичную потерю сознания: ребенок вполне чувствует, что ему в горло суют ножницы и что рот внезапно наполняется кровью. Эфир впоследствии вызывает рвоту и навсегда врезающиеся в память кошмары. Лишь у немногих любителей эфира имеется эфирная маска, которая, тем не менее, могла бы сделать прием более удобным; они охотнее дышат эфиром прямо из флакона или же пьют. Эфирную маску не советуют применять для борьбы с бессонницей и кратковременными депрессиями. Хотя она состоит из такого количества деталей, что читатель порой засыпает лишь от одного их перечисления.

Перчатки

Скроенные из кожи животного или искусно связанные крючком, – будь то варежки или митенки, – перчатки, без сомнения, служат для того, чтобы защищать кожу рук от холода или грязи, царапин, заразных соприкосновений, они подбиты замшей или теплым мехом, порой, облекая пальцы, они поднимаются выше запястий, антисептические перчатки защищают разрезанное тело от микробов на руках хирурга, они впитывают испарину или, если они ажурные, позволяют той выдохаться, они мягкие, они хранятся в специальных ящичках, они могут отхлестать грубияна, однако не следует забывать, что рукам воров и душегубов они служат охотнее всего остального.

Дагерротип умершего ребенка

- 24 Дагерротип умершего ребенка представляет собой крошечный деревянный ящичек из резного черного дерева или эбена с двумя малюсенькими крючочками в виде застежки – его можно подвесить на цепочке, но он немного тяжеловат и не овальной формы, – так что его хранят на полке или же в сумке, его берут с собой в поездки, пряча под двойным дном чемодана, или чаще держа возле самого тела под нижним бельем, в сокровенных и самых благородных местах, – возле сердца, на шее, никогда на животе, – прикрепив лентой или повязкой, на него часто смотрят тайком от чужих взглядов, уединившись, его целуют, боготворя, проливая пару слезинок, проклиная небеса. Когда открывается крышечка маленького футляра, видна бархатная карминная обивка, на которой иногда можно прочесть какую-нибудь надпись: посвящение, пожелание, окруженное цветами имя с крестом сверху. Если держать этот предмет на ладони и опустить на него взгляд, сначала видно как будто зеркало, – отражающая взгляд гладкая серебристая пластинка в инкрусти-

рованной драгоценными камнями и кружевными виньетками овальной раме, – нужно слегка ее наклонить, чтобы различить сделанное на стеклянной пластинке с бромидом серебра изображение своего умершего ребенка, лежащего на маленькой кроватке, в воскресном костюмчике, с закрытыми глазами, скрещенными пальцами и бледными, впалыми из-за болезни щеками, на шее – ленточка или галстук, прячущий синий отпечаток от сдавивших ее рук.

Медвежонок-фляжка

- 26 Медвежонок-фляжка представляет собой плюшевого медвежонка небольшого размера с коричневатым мехом, он сидит, улыбается, – это очень милый и безобидный зверь. Как-нибудь женщина могла бы вполне носить его с собой в сумочке, а ребенок – в кармане или прятать в сжатой ладони. Если заметят такого у женщины, это будет словно немного устаревший талисман, а, если он окажется у ребенка, то и вовсе не обратят внимание, поскольку это нормально, когда ребенок питает дружеские чувства к зверьку подобного рода. Лишь маленький розовый или голубой бантик, обвязанный вокруг шеи, прячет и, если развязать ленту, выдает фатальную рану. Тогда становится ясно, что можно оторвать голову одним движением пальца, и среди меха сверкнет пробка хрустального флакончика. Оказывается, что плюшевый медвежонок – только чехол, прикрытие, предназначенное для того, чтобы утаить действия пострашнее. Достаточно тонкой, белой, хорошенькой женской ручке особы из общества выдать уловку, внезапно оторвав медвежонку, с которым

только что играла, голову, изобличая собственное коварство, и сцена похожа на чудо. Однако та же самая ручка может действовать исподтишка, разлив одурманивающие ароматы (Jungle Gardenia), смешав их с водой в формочках для льда, что скоро замерзнет кубиками и разойдется по бокалам гостей вместе с холодным ликером, от которого кровь в жилах сворачивается и стынет. Ребенок, как правило, использует медвежонка-фляжку с намерениями более благодушными, распыляя в публичных местах зловонные испарения, набив фляжку молочными зубами и выдернутыми ресницами. И, судя по приводимому описанию, можно сказать, что используют медвежонка-фляжку, а, стало быть, всё отравляют, только женщины и дети.

Вибрирующее кресло

28 Эта модель вибрирующего кресла – разборная, легко транспортируемая при путешествиях – копия громадных вибрирующих кресел, которые герцоги Померании устанавливали в своих будуарах, соседствующих с лабораториями их физиков и специалистов по электростатике: вначале это было всего лишь устройство для ловли молний, разновидность доисторического громоотвода, когда померанские герцоги, – чьи изнеженные обычаи и нравы, вкус к прикрасам и танцам всем хорошо известны, – возымели с его помощью удовольствие и приказали электрикам сделать так, дабы вызываемая молния била как можно чаще. Первоначальная модель вибрирующего кресла (чьей мрачной и извращенной разновидностью служит электрический стул американского производства) очень скоро стала весьма рафинированной и изысканной: прежде всего ее полностью покрыли гладким и шелковистым мехом, блестящими шкурами диких кошек, оцелотов, перьями казуаров, дабы тело – в известных случаях, обнаженное, – могло испытывать в таком кресле наибольшее

наслаждение, затем добавили различные, весьма подвижные рукоятки, рычаги и насадки. Там можно и сидеть, и лежать в то время, как по запрокинувшемуся телу пробегают, распространяясь во всех его членах, дивные электрические потоки, а кровь взбалтывается, будто молоко в гигантском шейкере. У вибрирующего кресла обнаружилось множество прекрасных свойств: оно могло не только доставлять удовольствие, но и дарить новую жизнь телу, укреплять ослабшие члены, разгонять кровь, улучшать настроение и избавлять от мужской немощи. Совсем недавно вибрирующее кресло было снова усовершенствовано: под меховым чехлом поместили непроницаемую герметичную обшивку для снижения числа несчастных случаев, и увеличили количество ремешков, кожаных и резиновых завязок, дабы от сильных толчков при различных манипуляциях тело не оказалось выброшенным вон. Для померанских герцогов вибрирующее кресло было подлинным развлечением: испробовать его приезжали из всех европейских дворов, и порой герцоги развлекались, маскируя провода, шедшие из будуаров к лабораториям мастеров по электростатике, и утверждая, что в кресле живет злобный дух. Женщины в нем лишались чувств, к креслу запрещали приближаться не только детям, но и некоторым взрослым, поскольку один из последних герцогов Померании нашел в кресле весьма сладостраст-

ную смерть. От посетителей прячут те приспособления, что он самостоятельно смастерил втайне от ученых, дабы механизм работал еще лучше: железный ошейник со слегка буржавшими плотью шипами, обхватывавшие запястья и щиколотки кожаные ремни поверх меха, который он заменил невымытыми и зловонными крысиными шкурами и мраморной доской, – она была холодной и нравилась ему еще больше, – выдиравшие ему волосы кольца на шнурках и этот длинный и гибкий черный член, при нажатии на кнопку появлявшийся из сиденья и разбухавший в анусе, достигая размеров эрегированного эталона, все эти флаконы над головой, походившие на хрустальный купол и вызывавшие частичную потерю сознания из-за тяжелых испарений от настоев адских семян да шерсти дьявола, – все эти предметы – наполовину сломанные, обгоревшие, рассыпающиеся – лежат в сундуках в подвале дворца герцогов Померании, где в мало посещаемых музейных залах показывают лишь классическую модель вибрирующего кресла, причудливый экспонат минувшего века, одну из герцогских прихотей.

Воротник

Ортопедический воротник представляет собой кожаный бандаж с вырезанными дырочками, своего рода чехол со стальными застежками, напоминающими застежки на чемодане, он плотно облегает шею, затылок, порой доходя до самых плеч, подпирая подбородок и удерживая голову в тех местах, где позвоночник уже не действует, где шея совершенно ослаблена и ходит из стороны в сторону, как у фламинго. Как правило, у этой круглой шины имеются вырезы, словно оставленные убийцей, в которые, конечно же, проходит воздух, но может пройти и язык или кинжал, поскольку молодые люди, наделенные пороком от рождения, усердно ищут прикосновения алых сосочков языка или холодной стали. Когда же с наступлением ночи этот до сих пор спрятанный под узлом или слишком высоким жабо драгоценный чехол открывают, выдавая неподвижность лица и постоянство взгляда, тогда следует обхватить голову обеими руками, обернуть полотенцем, поскольку она падает, валится в разные стороны, запрокидывается, и с этим наконец-то освобожденным ртом,

из которого течет, можно делать все что угодно, брызжащая из сердца кровь останавливается в одном из бесчисленных узлов, в небольшой, выступающей вперед мускульной мозоли, что отличает, как говорят, принадлежность к мужскому полу, кровь бесконечно, будто механически откатывается обратно, и субъект погибает от истощения, он задыхается, если оставить его в одиночестве, если его голову не держать с двух сторон руками, словно редчайшую из всех украшенных расписными миниатюрами книжек.

Машина для создания статического электричества

В незапамятные времена люди заметили, что янтарь, если его потереть, притягивает легкие и сухие частицы, тому нашли объяснение: от прикосновения в янтаре просыпается его душа, и душа эта, словно при вдохе, притягивает к себе пылинки. Потом ученый по имени Гийом Жильбер обнаружил, что свойство притягивать после трения легкие предметы характерно также для гагата, алмаза, сапфира, рубина, опала, аметиста, аквамарина, горного хрусталя, серы, мастикса, камеди, мышьяка, талька и многих других веществ. Вместе с тем, он установил, что все они притягивают не только кусочки соломы, но также древесные или металлические опилки, фольгу, небольшие камушки, частицы почвы и даже жидкости, например, воду или масло. Однако честь создания первой электрической машины в виде шара из серы принадлежит бургомистру Магдебурга, блистательному Отто фон Герике: «Возьмите схожую с шаром медную посудину, или, как говорят еще, сосуд величиной с голову ребенка; положите туда раздробленные в ступе куски серы и поставьте

на огонь, дабы растопить серу, которую далее надобно поместить в сухое место. Вослед надо проткнуть шар железным стержнем, чтобы тот оказался на месте воображаемой оси...» Используя такое примитивное устройство, Отто фон Герике, проводивший опыты в темноте, мог констатировать наличие светового эффекта, сопровождающего трение серного шара, то есть электрическое свечение. Свечение, которое ему удалось вызвать, было очень слабым, сопоставимым по его собственным словам, с флюоресценцией сахара, когда его толкут в темной комнате. Чтобы услышать потрескивание искр, ухо следовало подносить как можно ближе к шару. В последовательном притяжении и отталкивании находящихся в непосредственной близости к серному шару мелких частиц Отто фон Герике различил феномен, сопоставимый с притяжением и отталкиванием тел, находящихся в сфере воздействия земного шара...

Первым, кто электризовал человеческое тело, был английский физик Грей. Он установил, что, если подвесить ребенка в горизонтальном положении на волосяных веревках и поднести к нему предварительно потертую стеклянную трубку, то к голове и ногам испытуемого притягиваются легкие частицы. Француз Дю Фей в своем докладе различает два вида электричества: стеклянное электричество и смоляное. Первое свойственно стеклу, горному хрусталу, драгоценным камням, животным-

му меху и шерсти. Второе присуще янтарю, копалу, шеллаку, шелку, льну и бумаге. Для этих видов характерно отталкивать себе подобное и притягивать противоположное электричество. Во время эксперимента, вызвавшего всеобщее воодушевление, Дю Фей заставил человеческое тело искриться. Прикрепив к потолку кабинета шелковые веревки, дабы достичь изоляции, физик лег на подвешенную к ним в воздухе небольшую платформу и электризовал самого себя посредством большой стеклянной трубки. Достаточно было поднести к его телу палец, как вспыхивала искра. В темноте от него шли светящиеся эманации...

Лейпцигский профессор Гаузен соорудил машину, рисунок которой фигурирует в опубликованной в 1748 году в Париже Гийомом Уатсоном работе «Опыты и наблюдения над электричеством». Молодой аббат крутит рукоятку, вращающую стеклянный шар. Роль проводника исполняет ребенок, подвешенный в воздухе с помощью изолирующих его шелковых веревок. К ногам ребенка с поверхности шара поступает электричество; поток идет вдоль всего тела и передается по правой руке сидящей на смоляной доске девочке. Та тянет левую руку мальчику, а правой наэлектризованной рукой притягивает к себе лежащие на отдельном столике листочки золотой фольги.

Наконец, в 1768 году английский оптик Рамсден полностью переделал уже использовавшиеся устройства: стеклянный цилиндр

он заменил вертящимся меж четырех набитых волосом кожаных подушек диском и добавил удерживающую стекло пружину. Любопытно отметить, что причиной, по которой стеклянный шар в электрических машинах заменяли цилиндром или диском, служит большое число несчастных случаев, возникавших именно из-за шара: он внезапно лопался, разлетаясь на множество острых осколков, способных причинить вред испытателям. Диски же при зарядке могли треснуть пополам, но они хотя бы не взрывались, и их использование было безопасным. Благодаря этим машинам добились того, что, пока из наэлектризованного фонтана лилась вода, шел огненный дождь; удалось запустить падающие звезды, порождаемые электричеством с помощью быстро крутящегося металлического диска с равноудаленными от центра иголками.

Однако из всех открытых в ту эпоху чудес наибольшее любопытство и живейшее внимание привлекло к себе воспламенение электрическими искрами горючих веществ. Доктор Лудольф в Берлине поджег с помощью искр, вызванных приближением наэлектризованной стеклянной трубки, эфир. Высекая искры из пальца, Винклер в Лейпциге поджег не только эфир, но еще и водку, настойку из бычьих рогов и некоторое количество других спиртных напитков. Уатсон в Англии повторил и разнообразил подобные опыты. Он поджег, кроме более-менее концентрирован-

ной водки, различные жидкости, содержащие эфирные масла, такие как лавандовая эссенция, слабый раствор селитры, настойка пиона, эликсиры и вяжущие средства, скипидар, эссенции лимона, апельсина, можжевельники и сассафраса...

В опубликованном в 1798 году романе «Паулиска или новейшая развращенность» Реверони Сен-Сир учил нас, как превращать милых дам в невесомые флюиды, как можно заразиться любовью, подобно бешенству, при укусе и как, натерев тело женщины или ребенка, достичь молодящего колдовского источника... На пергаментной бумаге красными буквами:

37

«Любовь – это бешенство, ее можно привить, как прививают бешенство – посредством укуса. (Диета). Обугленные косточки горлиц, камфара и змеиная кожа. (Манипуляции). Многократные укусы».

«Так как любовь является физическим слиянием двух индивидов, для единения тел необходимо дать соответствующий импульс атомам. Произведите раздражение фибров посредством воздействия на них пепла от волос и ресниц производящего опыт. Процесс всасывания пепла порами кожи дополнить втиранием одного пепла в кожу. Производящий опыт изготавливает напиток из собственного дыхания, превращенного в жидкость».¹

1 Цит. по: Жак-Антуан де Реверони Сен-Сир «Паулиска, или Новейшая извращенность», пер. Е. Морозовой, «Иностранная литература», 2012, № 7.

Бумага для ловли мух

- 38 Бумага для ловли мух представляет собой скрученную спиралью и смазанную клеем плотную бумажную ленту, которая быстро желтеет на воздухе. Развертывается она как серпантин или рождественская гирлянда и неотвратно несет мушиным лапкам смерть. Прельщенная сладким лакомством, которое сулит поблескивающая поверхность, муха садится на клейкую ленту, с которой уже не может вырваться, – рулон усеян крылышками, медленными угасаниями, бессловесными голодными мольбами, – все это выбрасывают, кидают в мусорное ведро. Предмет пытки и казни, ничтожный и бесполезный, – бумагу для ловли мух, – завлекавшую их, вместо того, чтобы отгонять, давно заменили ультразвуковыми устройствами.

Машина для производства пустоты

Состоящая из стеклянного колокола, поставленного на искусно инкрустированную поверхность мебели и подключенного к целой системе насосов, всасывающих трубок и колесиков, посредством которых из-под купола выкачивается воздух, машина для производства пустоты безжалостно создает ирреальное пространство, лишенное всякой пылинки, непригодное для жизни любого чувствительного создания. Во время демонстраций по сравнительной физике машина эта стала доподлинной салонной игрой: под стеклянный купол помещают живую птицу, закрывают ее там, проверив, чтобы все обеспечивающие герметичность резиновые прокладки и диски были на месте, обезумевшая птица порхает в стеклянной клетке, к которой приклеены отвратные взгляды участников, и, когда тощая, источенная кислотами рука физика начинает вертеть колесико и выкачиваемый помпами воздух разрежается, птица уже даже не двигается в этом пустом пространстве, в котором нет тяготения, она не может больше летать, она моментально распластывается

по инкрустированной поверхности, ее сердце и маленькие, цвета слоновой кости кружочки глаз лопаются, хрупкий остов грудных костей распадается, и из-под колпака под свист от разгерметизации вытаскивают пыльную кучку костей и перьев, в которой местами проступило немного жидкости.

40 Если камеру для производства пустоты увеличить до человеческих размеров и, заключив в нее голого человека с завязанными глазами, запустить пневматическую систему, происходит то же самое: плоть сразу синее, человек раздавлен, сокрушен массой вакуума, кожа на лице и всем теле лопается, словно разъедаемая жестокими струями кислоты, и вскорости остается лишь один костяк, похожий на раскаленные добела иглы.

ОСТАНОВКИ В ПУТИ

Предписание

Отныне городские и государственные власти должны обустроить определенное количество пустующих мест с единственной целью проведения в них действий порочных, вольнодумных и поистине великолепных, позволяющих гражданам растрачивать время с шиком.

43

Снабженные необходимой бутафорией, будут возведены декорации на перекрестках, пустырях, в заброшенных домах, якобы закрытых и тайно действующих театрах. На смену искусственному зною придут искусственные ночи, преходящая экзотика и различные виды свободы, создав в городе весьма удобный настоящий игровой маршрут. Как только порок достигнет своего совершенства, другие места, другие помещения просто исчезнут: это будет подобно расставленным сетям, но сети эти доставят удовольствие; любители смогут сами незаконно мастерить их в соответствии с собственными фантазиями и затем прятаться в ожидании, когда кто-нибудь придет отдать дань их воображению. Порок станет бесплатной общественной службой. Государство будет организовывать конкурсы и награждать создателей архитектурных шедевров и небывалых распутных устройств.

Хаммам

- 44 Сидящая за стеклянной перегородкой кассы посреди флаконов с «Шипром», фиалковым одеколоном, бриллиантином, стершихся ценников на рукавички и банки, выцветших пластиковых роз женщина долго разглядывает посетителя и обыденным тоном спрашивает, бывал ли он уже здесь. «Хаммам V» – обычное заведение среднего пошиба, о котором оповещает уличная вывеска, а находится оно в глубине двора: мозаичный фасад с симметричными фонарями по бокам, один из которых разбит и замотан пластиковым пакетом. На объявлении при входе обозначены часы работы, дни для посещения только мужчинами и только женщинами, поскольку, согласно традиции, хаммам – место, куда люди ходят, чтобы омыть тело от жира и грязи, а душу от ее пороков. Заведение, предназначенное, согласно безобидной вывеске, для принятия ванн, массажей и отдыха, состоит из кабинок, расположенных по обеим сторонам длинного коридора. Кабинки эти остаются пустыми. Напротив кассы есть дверь с матовым стеклом и надписью «Парная», что ведет на длинную крутую

лестницу под низкими сводами, изгибы которой вдруг отражаются в покрытом серебристыми пятнами и слегка запотевшем от паров треугольном зеркале. Поначалу обоняние раздражает резкий солоноватый запах пара, пота, мыла и наконец-то размякшей кожи ступней. Спустившись по лестнице, посетитель мешкает, не зная, куда идти дальше: матовые стеклянные двери, под которыми просачивается горячая вода, шум душа, экран, за которым можно различить темный зал с белеющими, заснувшими на циновках телами, выкрашенный красной и желтой краской бар в мавританском стиле и возле него справа в тех же тонах раздевалка. Человек за барной стойкой берет билетик, на котором синей чернильной печатью выведено «Хаммам», и повторяет, словно пароль, незнакомому лицу вопрос кассирши: «Вы уже здесь бывали?», затем протягивает белый банный халат, полотенце из грубой ткани и требует себе на чай. Он смуглый, один глаз вытек. Посетитель раздевается перед шкафчиком, сам выбрав номер на одной из красных и желтых лакированных дверок, усеянных маленькими зеркалами, в которых отражаются уже притаившиеся в тени и выслеживающие его мужчины. Почти черная рука со сверкающим золотым кольцом хватается за дверцу туалета, но более ничего не видно, если не считать широко расставленных ног.

Ноги равнодушно ступают с черного, немного клейкого линолеума на белый покатый

пол с желобками, чтобы стекала вода; прикосновение к нему не очень приятно и даже вызывает легкое содрогание, если представить, как легко появляются на нем грибки и зеленая плесень. На уровне пола параллельно друг другу стоят душевые кабины, образующие коридоры вокруг центрального зала с бассейном зеленой воды, украшенным ракушками, на них падают тусклые блики от витражей. Над гладью воды, в которой никто не плавает, но над которой сидят подмигивающие посетителю мужчины, явно сжимая руками члены, и, улыбаясь, показывают ему золотые зубы, поднимается спиралью узкая металлическая лестница. Мужчины принимают душ, стоя голыми в ряд и время от времени дергая открывающую воду цепочку, моют головы и долго мылят длинные бурые члены. В глубине справа от центрального зала, где в стенах полно экранов из прозрачного стекла, в которые видны залы для отдыха и соседние парильни, находится еще одна матовая дверь, ведущая в темную комнату, заполненную белым густым паром, пронзенным желтым светом мигающей лампочки, в центре комнаты поднимается пирамида с лестницами и железными перилами по бокам. На вершине пирамиды различимы силуэты двух стоящих напротив друг друга мужчин, один из них бреется маленькой опасной бритвой. Стены облупившиеся, со следами щеток, которыми их драили, желая побыстрее смыть испражнения. Одна-

ко цилиндрическое отверстие, подающее пар и обжигающее пальцы, стоит их чуть приблизить, украшено тонкой росписью, на которой изображена цапля, хватаящая концом клюва рыбку.

Позади барной стойки с сифоном и несколькими старыми бутылками аперитива белый женоподобный мужчина шепотом рассказывает сладострастные истории, случившиеся в Хаммамете, поправляя руками лакированную укладку. Вокруг дощечки с пронумерованными прорезями для расходных чеков сплетены пластиковые розы. На полу черно-белая плитка ромбами, под потолком висят рождественские гирлянды, на стенах нарисованы песчаные дюны с луной, а на зеркалах, более искусно, дабы замаскировать стыки, несколько пальм. Над белым гипсовым ангелом, двойником того, что у входа, но уже не льющим никаких струй, подвешен телевизор, показывают свадьбу королевы Елизаветы, затем эскадры военных самолетов. Подпоясанные белыми полотенцами мужчины читают иллюстрированные журналы, томно разлегшись на красном молескине скамей и потягивая оранжад. Между баром и душевой в стену вмонтирована окруженная зеркалами полка, на которой стоят большие, похожие на улитки, сушилки для волос и лежат маленькие красные пластиковые расчески. Кто-нибудь из мужчин, порой уже в одежде, расчесывает и лощит черные густые волосы.

В залах, где, как уже было сказано, полно стеклянных экранов, ничего нельзя утаить, можно лишь заглушить звуки: таким образом, из зала с сухим паром, в котором свет сквозь витражи падает на серую изношенную драпку и лежащую в похужей на гамак изогнувшейся циновке жирную тушу, сквозь стекло можно различить склонившегося над стойкой возле убогого умывальника бармена, однако нельзя услышать, что говорит он о грубых арабских нравах, с другой же стороны, в полумраке зала для отдыха, можно увидеть белеющие силуэты спящих. Кажется, что положенные на дерево белые вещи сразу же сморщиваются от коробящего их едкого и солоноватого пара.

Поднимающаяся над сине-зеленой водой бассейна металлическая лестница бесконечна, она переходит в длинный, тоже в красных и желтых оттенках коридор, освещенный дневным светом, по сторонам – полуоткрытые двери, за которыми – лежащие или сидящие в одиночестве мужчины, каждый в своей комнате; завидев идущего посетителя, они подмигивают, неизменно склабятя, показывая золотые зубы, и потирают рукой член. Другие мужчины, оставшись в белых халатах, стоят, опираясь о стены, и бесконечно ждут в тишине. У некоторых полотенце, как шарф, висит на шее или же обернуто, как тюрбан, вокруг головы. Они не разговаривают. В каждой тесной клетушке есть деревянный настил с красным молескиновым матрасом и маленькая

мраморная полка, на которой стоит пепельница. В каждой комнате есть матовое окно, которое невозможно открыть. В дверях мелькает то вытатуированный на плече орел, то золотой браслет на заплывшем запястье (золото постоянно вспыхивает и при улыбках, немых приглашениях). Некоторые двери закрыты. Одну из них растворяет белый тучный мужчина и, цепляясь за дверной косяк, медленно оседает, весь мокрый от пота, всклокоченный, держа перед собой халат, словно прикрывающая груди женщина, на руках убогие цветные браслеты. Плоть обрезанных членов у темнокожих мужчин часто покрыта бугорками светлее остальной кожи.

49

Посетитель возвращается в бар, чтобы оплатить счет и попросить бармена с вытекшим глазом отпереть дверцу шкафчика в раздевалке. Выходя, он изучает выставленные за стеклянной перегородкой кассы ряды флаконов с «Кельнской водой», «Шипром» и одеколоном «Помпеи», которые стоят всего четыре франка и, должно быть, плохого качества. Он решает купить один из флаконов, кассирша – сама скромность – протягивает ему одеколон «Помпеи» и, вернувшись домой и вскрывшая маленький стальной чехол флакона, он, будто специально, сразу же ранит в нескольких местах руку; глубоко взрезав кожу, сталь входит под ноготь.

Магазин пряжи

- 50 В магазине пряжи только что оформили зимнюю витрину, и как же приятно видеть за стеклом мотки и клубочки желтой и сиреневой ангоры, которые скоро превратятся в шарфы, перчатки, свитера, майки и кальсоны, вызывающие сладострастное наслаждение брючки.

Планетарий

Мы вошли под купол круглого здания, на стенах которого скользили изображавшие город китайские тени. В центре на платформе высилась огромная черная машина, похожая на недвижимого двухголового робота; впрочем, согнутые рукоятки предвещали, что скоро он задвигается. Я спросил у управляющего, как ему удалось заполучить такую машину, и он ответил, что получил ее от немецких инженеров фирмы «Цейс», уступивших ее в 1937 году взамен на согласие разводить пум. Он занял место за пультом управления (это был мужчина с бритой головой и маленькими круглыми очками, которого я видел исключительно в белом халате), но у меня не было времени уследить за рычагами и рукоятками, поскольку стало уже темно и затылки сопровождавших нас детей коснулись подголовников кресел. Послышалась музыка: я узнал увертюру «Тангейзера»; ночь становилась все темнее, и постепенно на небесном своде начали появляться звезды. Я слышал движок машины, как вращаются механизмы, пытался различить их перемещения: два черных полю-

са, пробитых мириадой звездных мерцаний. Внезапно мы очутились посреди темной ночи, и дети, перешептываясь, боялись, что летучие мыши вот-вот коснутся голов.

52 Наконец послышался напряженный голос управляющего. Он пустился в столь же научное, сколь и экстравагантное изложение общедоступной астрономии, демонстрируя потрясающий словарный запас, коим я старался овладеть. Пуская светящийся луч, он указывал звезды и планеты, маленькая зеленая стрелка, подобно блуждающему огоньку, порхала меж галактиками и туманностями, созвездиями и плеядами, различала неясные тела, скопления сфер, двойные звезды и чертила среди лабиринта трех тысяч звезд воображаемые линии, обозначая разные геометрические фигуры, буквы и символы. Мы видели головы зверей, мы раскрыли тайну «Близнецов». Управляющий извинился: луна поломалась.

Внезапно он будто потерял контроль над машиной: она была перегружена, небо завертелось вокруг нас с головокружительной скоростью, друг за другом неслись дни и ночи, летели, исчезая, гонимые падающими звездами времена года, равноденствия, затмения, пыль, по волокнистым туманностям бежали потоки газа, пылевые скопления раздувались и вспыхивали, виднелись грозные светила, и полярные сияния со звездами охватила дрожь, они лопались, валились прямо на нас. Дети вопили. Гудящая машина продол-

жала трястись, и мы слышали, как колесики платформы стучаются о защитные ограждения. Ученый, чьи ошибочные действия нарушили ход вселенной, пытался нас успокоить: «Не бойтесь, – кричал он, – то, что отображается на плоском небесном своде перед нашими глазами – лишь видимость тех объектов, чей свет шел до нас порой миллионы лет, они давно уже сдвинулись с прежних мест!» Я спрашивал себя, не является ли укrywший нас свод на самом деле черепным сводом, а это представление – следствием эмболии, внезапного возникновения в одном из полушарий кровяного сгустка или вызванного каким-либо галлюциногеном психоза.

53

Мы вышли из планетария. Дабы сгладить впечатление от допущенной им оплошности, управляющий пригласил нас на демонстрацию статического электричества. Он попросил двоих детей с длинными шелковистыми волосами раздеться. Потом пустил их в зарешеченную клетку, сказав, чтобы они встали на металлический пол босиком. Там вокруг детей принялась летать молния, меж двух полюсов слышался треск, засверкали пронесившиеся по трубам заряды, из-за которых длинные волосы поднялись торчком. Наконец, он дал обоим небольшие ножи, дети должны были направить их друг на друга. И долго еще мальчики обменивались электрическими потоками то положительного, то отрицательного заряда.

Дворец Миражей

54 Дворец миражей – это октаэдр с зеркальными стенами, похожий на ящик, тамбур с вращающимися колоннами, где в зеркалах до бесконечности множатся позолота и люстры, своды и аркады, большие пустынные коридоры индусского храма, в котором хрустальные змеи в волнах света бросаются на темные запыленные фигуры таитянок и демонов, а с четырех сторон несущих опор храма симметрично стоят восковые статуи, повторяющиеся в каждой грани октаэдра. Дворец миражей – это аттракцион, куда в среду во второй половине дня¹ приводят детей: они имеют право подняться на горку в самом центре зеркального пространства, они проворно вскарабкиваются туда и встают на цыпочки, чтобы оказаться еще чуть ближе к небу, звездам и этому крапчатому пыльному пологу, который вот-вот обвалится им на голову, словно купол бродячего цирка, тихо прошелестев в темной ночи щипков, перешептываний и криков. Взрослые сто-

1 По средам во французских школах обычно выходной или укороченный учебный день, длящийся до полудня.

ят кружком на расстоянии друг от друга вдоль зеркальных стен, облокотившись на изогнутые деревянные перила, словно на брус танцовщиков. Однако, двери, также зеркальные, затворились, и муж, опасаясь, что страдающая клаустрофобией жена повалится в обморок, стоит настороже возле привратника у самого выхода, он нежно сжимает ее руку, но женщина не выказывает и тени тревоги, только восторг.

55

Сеанс начался с ударом гонга и продолжался порой под томные, порой под варварские мелодии: тарелки, тамбурины, рычание тигра и крики птиц. Вновь загорелся свет, большой зеленый лесной шатер тихо опал вниз, и теперь на месте статуй явились обезьяны. Хорошо смазанный механизм вращения колонн действовал бесшумно, в любом случае малейший скрип был бы заглушен людским гулом, и дети – которые стояли ниже, чем были расположены зеркала, и не могли себя видеть, – дети, запрокинув головы, в восхищении поддались миражам. Над зачарованным лесом опустилась ночь. Зажегшись на концах проволоки, принялись прокладывать путь сквозь ночной покров маленькие звездочки, они почти касались волос, но не давали себя поймать, их сразу же сменяли бабочки со стеклянными крылышками на шарнирах, которые вначале опускаются, а потом поднимаются с парой рывков, чтобы их успели разглядеть, прямо перед грозой, от которой вылетают проб-

ки. Вновь наставшая темень длится с минуту, но внимательный слух, не обращая внимания на раздающиеся рядом крики, может различить звук скользящих по рельсам колесиков, однако же, за целую минуту можно сделать все что угодно, просунуть руку в незакрытую сумку, схватить другого за руку или горло... Вновь звучит гонг, и вот мы в Альгамбре, в арабском дворце с прозрачными колоннами, над которыми вырисовывается необъятный купол с арабесками из сверкающих драгоценных камней, – среди позолоты, светильников, – отовсюду льет свет, ослепляющий детей и гонящий их к Волшебной комнате, где фокусник обычно достает из цилиндра кролика и безуспешно пытается оторвать стул от пола, желтые и зеленые попугайчики коготками цепляются к поношенному переливчатому шелку его белого смокинга... У изумленных посетителей не было времени заметить на куполе Дворца Миражей пару просверленных дырочек, пару отверстий, за которыми иногда появляются глаза: на чердаке над тамбуром жмет на кнопки и рычаги пульта следящий за световыми превращениями работник и, устав, позволяет себе пасть в кресло. Он руководит миллиардом изумляющих метаморфоз. Он спит над тамбуром на убогой лежанке среди вращающихся механизмов, которые тщательно смазывает, и проверяет шарниры светящихся бабочек, чтобы они не теряли крылышек. Он не смотрит в дырочки купола

Дворца Миражей ночью; если бы он это сделал, то увидел бы там некую фигуру, сидящую на горке пифию с растрепавшимися по безгрудому и детскому телу в панцире из восковой стружки волосами, водящую в каббалистическом танце руками, ибо женщина эта, некогда танцевавшая для зрителей вместо восковой статуи в нише, дабы превзойти все ими виденное, и уволенная при сокращении штата, уже умершая или еще живая, – это неизвестно, – часто навевается сюда.

Детское кладбище

58 Детское кладбище занимает отдельный участок при входе на большое кладбище в самом конце круто взбирающейся вверх дороги вдали от деревни. Это почти увядшая его часть, на которой среди могильных решеток, похожих на складные металлические кровати или засыпанные камнями колыбели, кое-где виднеются разбитые бронзовые или мраморные фигурки, заросшие уродливыми тщедушными стебельками: горящий ангел на коленях среди пальм и гробниц, маленькая девочка в кружевной платице, роняющая табурет и тряпичную куколку и бегущая в маленьких зашнурованных ботиночках к груди роз, на которой покоится фигурка ее маленького братца с закрытым вуалью лицом, девочку зовут Эмма; а вот другая девочка с широкой лентой в волосах – в одной руке она держит отбивающегося в плаче голыша, а в другой сжимает, давя, букетик, или вот Джильола, изображенная дважды: с одной стороны под небольшим навесом от дождя стоит белый мраморный бюст, а по ту сторону смерти – ее крылатая исхудавшая ангельская фигу-

ра из черного мрамора, выступающая вперед, держа в руке венец из цветов, словно зачарованное отмщение, или же еще Бруна, его любимица, которая только и делает, что все идет и идет, в то же время неподвижно стоя босыми ногами на могильной земле, ее точеное тело облегает трико, под которым можно разглядеть зарождающиеся маленькие соски, короткая стрижка под мальчика оголяет затылок (каждый раз слово «маленький» звучит из его уст подобно ласке, с которой он будто прикасается к этим фигурам...). Поломанная колонна со скошенным краем – символ преждевременно прерванной жизни. На этой каменной подушечке покоятся лишь скакалочка, мячик и маленькая ивовая корзинка, возле которых выпуклыми буквами выведено имя. Надпись «Здесь покоится маленький ангел» повторяется от могилы к могиле, где среди щебня валяются осколки голубого или розового фарфора, из которого сделаны упавшие с крестов ангелочки. Под камнями, выстроившись в ряд, лежат маленькие сломавшиеся и запыленные тела, сбереженные порой от разложения заботами отца-бальзамирщика.

Трое приятелей ждали сумерек после ужина, – который подают детям в этой местности очень рано, около семи часов, – чтобы поехать на велосипедах к кладбищу далеко за деревней в конце взбирающейся вверх тропинки. Они положили велосипеды на красную землю возле ограды и отворили заскрипевшие во-

60 рота. Из крана на улице капала в мойку вода, лачуга садовника, окна которой были забиты досками, казалась безлюдной. Они, не говоря ни слова, затаив дыхание, прошли к детскому кладбищу, но внезапно послышался чей-то смех, и взявшийся неизвестно откуда — из-за ограды, стало быть, из темного леса, — по могилам запрыгал мячик, они пустились наутек и, катясь на велосипедах на холостом ходу вниз по тропинке, ни разу не притормозили.

Позже один из них, не сказав матери ни слова, вернулся и собрал с земли осколки упавшего с креста ангелочка, чтобы, завернув их в вату, носить на груди возле самого сердца во внутреннем кармане куртки. Потом он снова пришел, но почти сразу же убежал, поскольку увидел, как два странных человека со скрытыми за очками, словно у летчиков, лицами, и несших прицепленные к спине завязками железные баллончики с трубками на концах, совали эти трубки в щели отошедших могильных плит. В третий раз он встал на колени возле свежего земляного холмика, под которым несколько дней назад похоронили утонувших в Волчьих ущельях на берегу острова сплетенных в объятиях отца и сына, и принялся рыть землю руками, он рыл до тех пор, пока ногти не застучали по дереву, тогда он взял прут ограды и, воспользовавшись им как ломом, вскрыл доски, он высвободил из сжатых на груди рук отца маленькое,

неподвижное, посиневшее, одеревенелое тело с проломленным затылком, длинными, светлыми, рассыпавшимися по плечам под сборчатым воротом белой рубашки волосами, и вот он, словно вдруг одичав, вытаскивает его наружу, просунув руки под мышки, видит, что он почти такого же роста, и бросает его, и убегает прочь, оставив могилу раскрытой, тело – на съеденье воронам да ящерицам...

Зверинец

62 Зверинец представляет собой полукруг ржавчины и цемента, все серых и охровых оттенков, на твердом полу ничего нет – ни подстилок, ни простой соломы, на которых могли бы примоститься огромные хищники с шелковистой шкурой, муаровые пантеры, дабы когти на лапах с подушечками стирались о пол, где порой матовым блеском сверкнут экскременты или гладкие белые закругления похожей на полированный слоновий бивень обглоданной кости, на которой, воспротивившись клыкам, кое-где еще остаются волокнистые крапинки. Дикие звери сидят в тесных клетках, снабженных целой системой перегородок и раздвижных дверей, чтобы можно было их одного за другим прогнать и оставить им мясо, вымыть пол брызжущей под напором водой, дать им спариться или проветрить мех. Животные спят, свернувшись клубком в своих запахах, или же ходят по кругу, чтобы кровь не застаивалась, чтобы не сдали мышцы, чтобы не сдохнуть. Порода в этих загонах слабеет, большие прекрасные звери саванны давно исчезли. Львиный рык, – словно вспыхивающий

в положенный час мятеж в зверинце, – хриплый крик, передающийся от клетки к клетке подобно судороге, словно звери задыхаются, словно они заглотили огромный булыжник и силятся выдавить его из себя, в конце звук слабеет от изнеможения и с новым выдохом замирает. Язык хищника более светлый, нежели мясо, сомонового оттенка, он высовывается из черной или рыжей пасти и долго облизывает оставленный кусок, лишь после зверь принимается раздирать это мясо; это вылизывание, прикосновение языка к изнемогшей плоти, подобно вылизыванию, прикосновению к уснувшему, умершему ребенку, которого хотят оживить, оно бесконечно, как голод. Порой большие хищники, украдкой сойдясь вместе, начинают мурлыкать, урчать в тени, кататься, валяться, лизать друг друга, спариваться. Они вызывают омерзение у толпы, распалюющейся при одном их приближении, они чуют, как от нее воняет. Плюс ко всему у этой толпы нет никакого укрытия.

Запах редко проветриваемого зверинца, – глоток едкого, пряного, амбрового воздуха, от которого легко опьянеть, словно зарывшись головой в мех под полным ароматов покровом, или же в ванне мочи и испражнений, мяса и пота, – таинственный, всегда непостижимый, поскольку возникает на основе секрета диких зверей, который никто нигде не описывал.

Кабинет таксидермиста

64 Содранные с нежных мясистых тушек шкуры диких животных, выскобленные и очищенные от пленки, сальных и жировых желез, развешаны в кабинете таксидермиста на больших опорах после того, как, удаляя потекший жир и кровавые пятна, их посыпали горячей золой и древесными опилками, обрызгивали жидким гипсом и, чтобы размягчить, неделю вымачивали в растворе из квасцов и морской соли, обернув голову и лапы тряпками, регулярно переворачивая и кладя груз на всплывавшие части, в другой бадье плавают органы; чтобы они не слипались, на них приходилось дуть, теперь шкуры расстилают на песке и натирают канадским бальзамом и мышьяковым мылом, разъедающим сублиматом фенола и рвотных орешков. Если шкура разорвалась, ее зашивают, прижимая края другу к другу.

Путешествующий натуралист в целях безопасности должен избегать спиртных напитков равно как и родниковой воды. В его сумке, будь то ягдташ или охотничий рюкзак, должен находиться складной нож, чтобы срезать кору, и лупа в роговой оправе, плюс к ним пин-

цет, другие ножи, набор стеклянных пробирок и промокашек, кристаллизатор для сбора холодных морских звезд и губок, и, наконец, флакон летучего спирта на случай укуса рептилий, насекомых или раны от вызывающих ожог растений. Что же касается оснастки таксидермиста, она должна состоять из скальпелей и ножей с неподвижными лезвиями, кюреток, плоских и трехгранных напильников, кусачек и зажимов, кистей из барсучьего и прочих волос, – одни для мытьякового мыла, другие, чтобы причесывать и приглаживать шерсть, а еще – буравов, ножовок, шильев, игл, проволоки, кудели, ваты, веревок. В его кабинете должно быть сухо и проветрено, поскольку следует избегать сырости, – из-за нее все портится, и солнца, – из-за него все выцветает. На окнах всегда должны быть плотные занавески внутри и ставни снаружи, тут есть дополнительное преимущество: они избавляют от любопытных взоров, если кабинет находится на первом этаже.

65

Для сбережения на борту корабля зоологической коллекции земноводных млекопитающих, а также тех, что обитают только в воде, к примеру, тюленей или дельфинов с плотной маслянистой кожей, их следует держать отдельно и лучше в концентрированном солевом растворе. Лучший способ сохранить мелких млекопитающих, – к примеру, летучих мышей, – это вскрыть им живот и поместить в спирт. Надписи, сделанные на ярлыках из папиросной бумаги обычными чернилами,

в винном спирте сохраняются превосходно, а вот те, что написаны китайскими чернилами, – стираются. Ракообразных можно просто-напросто поместить в соль, бабочек – в склянки с цианидом, а птиц, – после того, как кровь выпустили, в прямую кишку и горло впрыснули фенол и набили ватой, клюв обернули бумажкой так, что получился маленький рожок, – птиц можно разместить в герметичных ящиках слоями в зависимости от размера, переложив их мхом и сухой травой. Чтобы во время поездки изнутри ничего не вытекло, перед упаковкой следует закупорить все отверстия каждого экземпляра.

Вернувшись в свой кабинет, произведя осмотр и вымочив шкуры, таксидермист их скалывает, проложив тряпками, замещает отсутствующие части тела комками тонкого муслина, набивает лапки и шею мелкой куделью и все зашивает. Некоторые чучельники вырезают носовые хрящи и губы, заменяя их оконной мастикой. Чучела млекопитающих изготавливают с помощью каркаса из проволоки или гипса. Если делают чучело самца, то, дабы достичь правдоподобия, кожух члена и мошонку набивают куделью. Чтобы выделить эту часть, разрезы сшивают тонкой наощенной ниткой, затем шерсть причесывают и, шлепнув зверька, кладут на бок. Затем его прикрепляют к подставке, предварительно разместив в специальных местах острые штыри. Чтобы уши, которые со временем затвердевают, не мялись, их ставят торчком с помо-

щью кусочков картона, позаботившись, чтобы тот не иссох; зад набивают, просовывая через анус паклю; затем с помощью воска придают нужную форму пасти и языку и, воспользовавшись гуммиарабиком, закрепляют в орбитах блестящие глаза. Затем шкуру обмазывают скипидаром, чтобы отогнать селящихся в ней сверлильщиков, кожеедов, зерновок и молей, и, наконец, обрызгивают чучело лаком. В качестве средства для ухода используют легкую мазь, приготовленную из камфары, селитры, серного цвета, абсента, мускуса, корицы, черного перца и просеянного саксонского табака, алоэ и мелкой кобальтовой пудры.

Таксидермист, как и бальзамировщик, не должен испытывать отвращения, когда, помахивая молоточком, дырявит небную дугу, чтобы брызнули оттуда мозги, когда отдирает выстилающие ушные раковины перепонки или когда шилом буравит кости. Он не должен бояться режущих инструментов, с которых в кровь может попасть трупный яд, и страшиться момента, когда оказавшееся под ногтями мышьяковое мыло начинает разъедать кожу. Ему следует быть честным, поскольку из двух коровьих шкур легко сделать гиппопотама, из двух козьих – ламу, из двух старых тигриных – жирафа, из туловища зародыша и рыбьего хвоста – сирену, из муфлона и скрученного бычьего сухожилия, отделанного слоновой костью, – единорога. Таксидермист должен создавать чучело, как ваятель скульптуру.

Зоологическая галерея

68 Зоологическая галерея представляет собой железную махину невероятных размеров, вокзальное помещение, в центре которого – бессчетное количество больших млекопитающих, копытных и китов – животных из Ноева ковчега; вокруг высятся семиэтажные коридоры, где в отделанных деревом витринах вдоль небольших мостков таятся в склянках разнообразные образцы – представители семейства беличьих, колонии полипов, паукообразные, белокровные одеревенелые шелковистые заросли. Зоологическая галерея заперта уже целых пятнадцать лет, и за все это время никто не потрудился смахнуть со шкур пыль, и несколько посеревшие животные предстают в темноте, будто призраки, – вот томящиеся среди ледяных глыб белые медведи, на полукруглых подставках вытянулись китообразные, – деревянные рамы витрин трещат и, если какой посетитель приближает шаг, то помимо воли шарахается в сторону и в панике несется по коридорам, стеклянные же глаза смотрят еще пристальнее, с еще большей угрозой, и может случиться так, что посетитель, если

пришел один, потеряется здесь навсегда, случайно споткнувшись о свалившуюся на пол голову жирафа, и найдут его, долгие годы спустя, скрюченного, задохнувшегося в пыльной пакле, которой набит каркас, или же, если ему удастся выбраться из галереи без серьезных последствий, то все равно у клещей было полно времени, чтобы наброситься на него, и вот он чешется, кожа местами твердеет и покрывается струпьями, внезапно появляются и пропадают зеленые выделения, пальцы на ногах становятся липкими... Осколки снарядов во время Освобождения продырявили стеклянную крышу, под которой обитали все эти животные, внутрь просачивалась вода, капли падали на их шкуры, и, когда гремели бури, галереи превращались в тонущий паром, в них разыгрывались сцены кораблекрушения, по воде плавали, прикрепленные к подставкам, слегка покачиваясь, слоны и пятнистые жирафы, вода, истачивая скелеты, грозила поглотить остовы шести китов-полосатиков. Дневной свет проникал сквозь стеклянный потолок, шкуры и перья из-за солнечных лучей медленно выцветали. Дабы устранить приносимый водой и светом урон, рядом со стеклянной крышей возвели металлическую. Но из-за отопительной системы пульсирующего горения влажность постоянно менялась и от жары не гниющие из-за сухости шкуры морщились, швы на боках и шейные складки трескали и лопались. Отреставрировать чуче-

ла не было никакой возможности, поскольку передававшиеся от отца к сыну профессиональные секреты таксидермистов были утеряны, и власти решили закрыть музей, чтобы посетители больше не жаловались.

70 В галерее обитает, громоздясь на полу друг на друга, или же стоя рядами в витринах, миллион сто пятьдесят тысяч представителей мира животных, – млекопитающие, птицы, рептилии, земноводные, рыбы, беспозвоночные и моллюски. Есть отдельный зал, целиком посвященный птицам, – на свету в витринах расправили крылья черные хищные особи, – и зал с обезьянами, где в хрустальных параллелепипедах развешаны крабы-пауки. Два путешествовавших натуралиста, которых одолели тропические болезни, завещали похоронить себя на территории музея среди трофеев в симметрично стоящих у центральной лестницы мраморных саркофагах. Один из залов закрыт даже для самых почетных посетителей, он посвящен исчезнувшим животным, там можно было бы узреть белшейных аистов, сияющих экофор, рысей, белохвостых оленей, лошадей Пржевальского. Однако, после появления проекта реконструкции галереи, – согласно которому множество животных должны были, рассортировав, поместить в подземные хранилища, наиболее пострадавшими экземплярами пожертвовать, снести мостки, сломать витрины и представить хорошо сохранившиеся чучела в диора-

мах, а также превратить зал с хищными птицами в кафетерий, а пролеты центральной лестницы – в океаническую впадину, по которой скользит прозрачная капсула лифта, – среди животных будто возник тайный сговор, молчаливый бунт, и в один из дней Пасхи или Праздника всех святых, когда служащий в сером халате, волоча ноги, пришел поменять маленькие белые шарики нафталина в витринах и пустил ток по проводке, не менявшейся со времени открытия музея, когда установили целую систему электрических дуг и светильников со свечами, вдруг вспыхнула искра и вдоль витрин мгновенно побежал огонь, склянки взрывались, разбрызгивая в огненном вихре шестьдесят тысяч литров спирта. Все коллекции были уничтожены за пару минут, а еще через пару минут чугунный остов полностью обвалился: прежде, чем вытечь, стеклянные глаза крупных хищников последний раз метнули молнии, сверкнув на оскалившихся от удовольствия мордах. Львы все еще ревели, жирафы переплетали шеи, и, уже задыхаясь, служащий видел, как от животных поднимаются дьявольские крылатые эманации, разбивающие стеклянный потолок и уносящиеся прочь.

Крокодилий бар

72 Если учесть большой неаполитанский ресторан, с террас которого открывается вид на побережье Адриатики, где в море сливаются городские помои и среди мусора плавают мальчишки, ссорящиеся из-за банкнот и монет, что кидают им посетители, то крокодилий бар в *лодже* африканского лагеря самбуру заслуживает звания одного из самых декадентских театров западного мира: каждый вечер около шести часов, незадолго до захода солнца, – темнеет здесь быстро, – английские путешественники, позавтракавшие с шампанским на летавшем над резервацией дирижабле: дамы в туфельках надели, чтобы защититься от пыли, большие плоские шляпы с вуалетками, у некоторых мужчин монокли, – встают полукругом у нависающего над рекой уступа, к которому в едва различимой броне по тинистым волнам такого же зеленоватого цвета медленно подбирается крокодил. Всем поднесли «Самбуру-свингер» – притупляющий обоняние прозрачный коктейль. Подходит, держа ведро, темнокожий мальчик в белой ливрее и вываливает к их ногам

кучу распластывающегося подгнившего мяса, розоватых пеликаньих кишок или зловонных челюстей гиен, которые долго держали на солнце под сеткой, дабы защитить от грифов, и теперь временами ветер доносит едкий, невероятно приторный запах разложения, который доходит и до реки, завлекая крокодила поближе, и тот медленно взбирается по берегу и в нескольких метрах от туристов в распляющейся его вони копается в кишках, ползает по ним, просовывает в них свои длинные челюсти, внезапно лязгающие над самым розовым, самым склизким куском в то время, как мужчины и женщины, стараясь правильно выставить в наступающей темноте диафрагму, спешат его снять на пленку. Хохлатая птица-секретарь поклевывает в стороне мясо, не обращая никакого внимания на крокодила, который, наевшись и отяжелев, вскоре уходит, печально направившись к реке, где затем и скрывается. Тогда темнокожий мальчик в белой ливрее, все еще с ведром в руке, но чуть отойдя от сцены, чтобы не мешать обзору путешественников и оставить крокодила в поле зрения камеры без посторонних, неизменно мурлычет вполголоса, тихо шевеля губами, каждый вечер, около половины седьмого, на суахили: «Берегитесь, вонючие твари, как бы не оказаться на месте той кучи мяса, которую ест крокодил!»

Музей ветеринарной школы

74 Покрытая светлым лаком тяжелая деревянная дверь заперта, пришпиленный к доске циркуляр сообщает, что на коллекции можно взглянуть лишь по предварительному разрешению директора, которое тот должен передать главному библиотекарю. Важнейший экспонат музея, занимающего вместе с библиотекой второй этаж здания, принадлежащего анатомической службе, три зала и коридор которого расположены в точности над прозекторской, – скачущая галопом лошадь с содранной кожей, на которой восседает препарированное тело, всадник с обезумевшими глазами. Все его оболочки, связки, волокна плоти были покрыты лаком после того, как их вымачивали в растворе, секрет которого составитель унес в могилу, мускулы оголены, с них содрали кожу, затем разделили, возможно, просто отрезав от нижних тканей, в вены и артерии различными способами впрыснули синий и красный воск. Говорят, что это взгроможденное на животное невероятное вздыбленное тело было никем иным, как невестой анатома, умершей от любви и тоски, когда их разлучи-

ли злобные родители, а потом выкопанной им из земли. Другой экспонат демонстрирует фигуру, как может показаться, психически больного мужчины с содранной кожей, висящим меж ногами длинным расслабленным членом и держащего в руках, будто палицу, лошадиную челюсть.

В ногах у него стоят мумифицированные священные абиссинские белые кошки, а на гладкой блестящей голове, словно вуаль или сеточка для волос, тонкое плетение из конских нервных окончаний. Коллекции музея в самом начале хранились в Королевском кабинете. В «Ветеринарном альманахе» 1782 года можно отыскать следующие сведения об этом кабинете: «В приемной в стоящих вдоль стен шкафах расположено множество сохраняемых со всею заботою чучел четвероногих животных и птиц изо всех частей света; весьма ценные впрыскивания...» Помимо экспонатов, относящихся к человеку и домашним животным, препарировали также обезьян, медведей, муфлонов; доставляли из Англии средства для лимфатических сосудов, посылали анатомов в морские порты, чтобы они препарировали там рыб. Из-за обилия экспонатов требовалось кабинет расширить...

Теперь в витринах располагаются экспонаты, представляющие собой сохраняющие форму, высушенные и покрытые лаком желудки, части кишечника, равно как и плавающие в формалиновом растворе фрагменты

пищеварительных слизистых оболочек; муляжи печенок диких и домашних животных с обозначенными на них сосудами и выделительными системами; препарированные носовые полости, пазухи, гортани, муляжи сердца, срезы всевозможных органов, коллекции зубов и челюстей, бычьи рога, множество экземпляров превращенных в чучела ужей, гадюк, удавов, разрозненных представителей беспозвоночных, перемешанных друг с другом иглокожих и ракообразных, многочисленную коллекцию паразитов. Одни лишь тератологические экземпляры занимают две огромные витрины, где можно увидеть двухголовых телят и гигантских цыплят, восковой муляж головы животного, зараженного сапом, болезнью, разносимой лошадьми, которой чаще всего заражались и кучера, чьи губы и веки покрывались несводимыми язвами и гнойниками. Особенный экспонат – барашек с восемью ногами: совсем маленький, кроткий ягненок, набитый соломой пушистый зародыш, из которого торчит его собственный брат, приросший головой к его брюшку, тот уже неподвижен или еще как-то продолжает существовать, брюшко в четырех местах продырявлено, это выпирают ноги братца, они мешают ему, продолжают двигаться, мчаться или же наоборот, совсем дряблые, болтаются из стороны в сторону и изнуряют его, так что он гибнет из-за прилипшего к нему двойника, из-за пришитого, вперившегося в него, прицепившего-

ся, наполовину сожравшего его, неотделимого от него мертвого брата.

В другой витрине выставлены предметы, найденные в брюшных полостях крупного рогатого скота: изъеденные желудочными соками гвозди и гравий, а еще ножи, ножницы, ложки, чулки и небольшая жаровня.

Музей ветеринарной школы всегда открывал двери по требованию, его посещали группы детей и стариков. Однако недавно в него наведалься инспектор, заявивший, что все экспонаты имеют сомнительную научную ценность, и написавший в рапорте, что анатомы чаще всего пытались изготовить «диковинки на забаву публики», и после долгих обменов отчетами, письмами и петициями, правительство страны, о которой идет речь, решило запретить всякий доступ к музею.

Тайный подвал

78 Нужно идти вдоль доков и чтобы мягкая кожа надетой на голое тело куртки слегка хрустела на холодном воздухе, в синеватом тумане меж фонарей, до самых дверей в глубине двора с неоновой вывеской, на которой изображен крылатый шлем, – на спине кожаной куртки вышит череп, – кожа хрустит во время пути к черной дыре, к касе и шатающейся лестнице, к желтоватой лампочке, – смятые билеты прилипли к ткани в глубине кармана так, что их невозможно вытащить, карман разрезан лезвием бритвы, джинсовая ткань пропитана потом, – к лабиринту, к западне, где мокрые от пота руки тянутся навстречу и щупают, где в засаде прячутся полураздетые, с оголенной грудью тела растянувшихся в темноте расстриг, – ближе к пивным испарениям, – здесь нет никого, кто бы стоял, здесь тела подвешены вниз головой к железным крюкам, бедра сжаты обручами, руки и ноги крепко привязаны к широким трапециям, угольникам, они распростерты, чтобы их шпыняли, оскорбляли, кто-то мочится в большие эмалированные ванны, источенные охрянными следами

мочевой кислоты, мочится на ворочающиеся и стонущие силуэты, на словно подставляемые поближе к теплым струям спины, здесь все тела обездвижены, – те, что закованы в обрuchi и простерты на трапециях, более не двигаются, пробуравленные бессчетное количество раз анусы не сдерживают расправленных обмякших кишок, что прилипли теперь к гимнастическим агрегатам, головы висят вниз, лица закрыты ниспадающими на них склеенными слюной волосами, – распространяют вокруг себя призрачное синеватое свечение, все еще источают иллюзию присутствия в них души, – слишком сильно стянутые ремнями и цепями, тела эти задохнулись, их слишком глубоко насаживали на длинные и изворотливые черные члены, которыми тыкали во всех направлениях вдоль перегородки, куда шли, хрипя, спариваться, и мгновенно выбиравшийся из клетки невольник противрал их смоченными спиртовым раствором салфеточками, вырезанными из свиных пузырей, – глаза под повязками больше не раскрываются, в то время как тела задыхались, кляпы в последний раз напитались желчью, смешанной с кровью, которая сразу же окрасила изорванные тряпки темно-розовым, – все личные данные были занесены в реестр, сфотографировали со вспышкой каждый квадратный метр, все вещи из раздевалки сожгли и все тела облили мощной струей стойкого бесцветного лака, который, растекаясь и за-

купоривая отверстия и кожные поры, все сохраняет навечно и изгоняет тлен, полиция решила превратить этот тайный подвал в музей порока, однако там сразу же обустроились вонючие орды, и надо было снова его вычищать и вослед замуровывать, заделывая все окна и двери. И вот за стеной, в бесконечности раздается тихий шум от идущих по плиточному полу черных кожаных сапожек с заостренным мыском, это идет невысокая женщина с лицом мумии, она замотала себе грудь и спрятала под кепкой длинные черные волосы, чтобы ввести охранника в заблуждение относительно своего пола и пробраться в крипту сбитых с пути развращенных мужчин.

Антропологическая лаборатория

Указав, дабы предупредить расспросы, имя и цель посещения в большом журнале, что ведет усердный слепой охранник, можно пройти внутрь и сразу же потеряться в затененной тайной части музея, в головокружительной путанице темных коридоров, переполненных ящиками, которые никто не открывал годами, барельефов, колонн и капителей, тотемов, фаллосов, божков, попрятавшихся птиц и идолов, кораблей, тронов, приношений, бледных восковых муляжей детских рук и ступней. На металлическом шкафу растянулся будда, белый конь на колесиках собирается перевезти во вьетнамский загробный мир дары умершим. Под лестничной клеткой внезапно появляется закрытый пластиковым саваном белый медведь, защищающий своего малыша на фоне затененного немытыми окнами северного сияния, оба зверя, словно сосланные в чистилище, стоят веки вечные у входа в музей, поскольку рьяно борющийся за достоверность хранитель счел, что их мех слишком желт для белых медведей.

Вперед продвигаешься по изогнутому коридору, вдоль стен по левую сторону – металлические шкафы, а по правую – матовые стеклянные двери, чьи таблички постоянно гласят, что вход воспрещен, поскольку работники соответствующей службы навсегда замерли посреди иллюзорного совещания. Идешь вдоль металлических шкафов, не зная, что они в своей бесконечности скрывают тридцать тысяч рассортированных по полкам черепов с приклеенными к ним то зелеными, то красными, то синими пометками, обозначающими черепа стариков, великанов и идиотов. Встречаешь одно из этих существ неопределенного возраста, служащего, что заметно посерел, пропах плесенью, как и все в плохо отапливаемых зимой помещениях, ссутулился, как питкантроп, и кожа его стала рыхлой, как копии заявок на новые шкафы, получить которые никогда не удастся.

Глава каждой службы, согласно общепринятой субординации, жалуется на нехватку места, на нехватку средств по распределению предметов, относящихся к третичному периоду или привезенных из экваториальных поездов, всех этих масок, огромных барабанов, колчанов и гонгов, остатки сожранной неандертальцем челюсти гиены, – все они ждут своей очереди, – воспоминания о приключениях и завоеваниях, о колониальных грабежах, героических изысканиях, – возбуждая жадных воров за оградой первого этажа напротив са-

дов Трокадеро, где меж сине-зеленых аквариумов по ночам кружат столь подозрительные тени. Нет средств, чтобы приобретать новые экспонаты, они расходятся по частным американским коллекциям; живущие в далеких странах люди, которых называли примитивными, теперь даже не хотят, чтобы их фотографировали. Ключ, отпирающий любые хранилища, находится в небольшом сейфе, чей шифр знает лишь первый уполномоченный по хранению.

83

Дверь антропологической лаборатории может открыться только, если сработает световой сигнал. Посетителя принимают у себя две высушенные кабийские головы с татуировками, мумифицированная ручка в деревянном ящике и восковой слепок головы микроцефала. Среди тщедушных зеленых растений переминается под стеклянными колпаками армия скелетов зародышей, скрепленных тонкими стерженьками.

Два сиамских близнеца с желтой складчатой кожей и подкрашенными хной ногтями на ножках все еще обнимаются в формалиновой склянке с того самого момента, как появились на свет в 1955 году в Каире с помощью французского врача, вдова которого завещала данную жуть музею.

На стенах одинаковых коридоров мелом проставлены номера, однако женщина в белом халате, которая классифицирует черепа и регистрирует поступления, ориентируется,

не глядя, по запахам. Точно так же она знает, в каком из шкафов запрятаны в пластиковых пакетах сморщенные мумии, она осторожно берет их, легкие, словно они из картона, эти хрупкие тела цвета дерева, с едким и в то же время сладковатым запахом. Она знает, в каком шкафу хранятся анатомические препараты XIX века, когда еще лепили модели органов, покрывали лаком и склеивали, подкрашивали яркими красками. Она знает, где находятся не попавшие в Музей естественной истории скелет гориллы и большая слоновья челюсть. Она показывает грудную кость, в которую вонзилась стрела, она показывает слепки сифилитических наростов, бедренную кость великана, первые окаменелые черепа из Ля Шапель-о-Сен. Она бесшумно скользит меж кривых скелетов рахитиков, мраморных статуй умерших профессоров, острых зажимов больших приборов для измерения черепов, скелетов со сжатыми челюстями, перед окнами, в которые видны кресты и мавзолеи кладбища Пасси. Чувствующиеся временами у разных шкафов сильные запахи больше ее не смущают, они – ее лучшие провожатые. Она больше не обращает внимания на склянки, куда иногда падает солнечный луч и где на виду хранятся отрезанные головы индейцев, привезенные в прошлом веке во Францию, чтобы показывать их вместе с дикими животными на ярмарках, головы пиратов и разбойников банды Бонно, у которых после каз-

ни продолжали расти волосы. Единственное, к чему ей не удастся привыкнуть – коллекция волос, все эти кудри и косы, небольшие, черные как уголь или же шелковистые образчики в пробирках с надписанными этикетками и разложенные в соответствии с расой и географической областью по большим ящикам, которые она отказывается брать в руки.

Таким образом, у каждого хранителя есть любимые и ненавидимые им предметы: те, о которых он ревностно печется и укрывает, пускаясь на всевозможные хитрости, в герметичных коробах и блестящих сейфах для азиатских платьев из оранжево-розовых тканей, следя за особой сухостью или влажностью, и те, что с его помощью приходят в упадок. Заведующий океанийским собранием считает некоторые экспонаты с Соломоновых островов – сосуды для ритуальных приношений, статуэтки с выпученными глазами – омерзительными. Заведующая собранием американского отдела питает особое расположение к подделкам; эротические экспонаты, представляемые во время продаж как «предметы легкого жанра», расставлены на полках, где кто-то написал мелом «секс-шоп». Экземпляры с отметкой «X» лишились этикеток и их происхождение нужно устанавливать заново. Одна из неоновых ламп, потрескивая, мигает. Бог Сдирания Шкур с лицом, укрытым кожей принесенного в жертву, соседствует с богом Ветра в виде дующей обезьяны, богом Огня – несущей

щим на голове жаровню морщинистым стариком, богом Цветов и Музыки, который местами смахивает на черепаху, и богом с Большим Носом, ягуаром, владыкой Ночного солнца. В Мексике отыскивали целое кладбище детей, – с колесиками от тележек, фигурками собачек, – которых приносили на вершине горы в жертву богу Дождя с обвившимися вокруг глаз змеями, после того, как малышей заставили исторгнуть из себя все слезы, дабы они вызвали проливной дождь. Были найдены сосуды, в которые клали сердца принесенных в жертву, и кубки для священных напитков, камни-грибы визионерского культа, метатели дротиков, идолы культа андрогинов, которые носили на спине отрубленные головы. Обвязанные веревкой мешочки с найденными в раскопках осколками и ярлыками «Огненная Земля, 1959» еще не идентифицировали. В ящиках полно перьев, поясов из обезьяньей шерсти, танцевальных нарядов из пальмового волокна и многоцветной толченой коры. В самом конце смотрительница открывает шкаф, где находятся ее любимые вещи: черные квадратные зеркала из обсидиана, крупные моллюски, ракушки.

Реликварий

Небольшой, квадратный, весь обитый черным бархатом и с тяжелой сейфовой дверью, реликварий открывается совсем ненадолго, раз или два в неделю, в непривычное и всегда разнящееся время, швейцар в пышных штанишках и с пикой в руке каждое утро на потребу зевак пишет у входа в Резиденцию мелом на аспидной дощечке, будет ли открыт реликварий сегодня, и в какие часы. Король, которому коллекция перешла от предков, существенно ее обогатил, покупая множество вещей у бродячих старьевщиков, магов, от Востока до Запада торгующих божественными реликвиями, кусками священной ткани и обломками орудий пытки, частицами Креста, кусочками костей или плоти святых, которые торговцы часто мастерят сами из подручных материалов, от останков прокаженных нищих до кусочков перекрашенного свиного мяса, добавляя к ним фальшивые печати, метки, пергаменты, удостоверяющие переход вещей от одного владельца к другому; король весьма переменчив, и толпа, утратившая интерес к его вышедшим из моды пристрастиям, давно

уже не собирается возле ограды Резиденции, и на меняющееся каждый день по настроению короля расписание всем наплевать, никто не выражает своего недовольства. Небольшой, квадратный, весь обитый черным бархатом и с тяжелой сейфовой дверью, темный реликварий пронизывают лучи, падающие на ларцы и раки, на трехстворчатые ковчеги в виде башен, пирамид, алтарей и крапительниц, в которых отстаивается священная жидкость, – эти лучи появляются на вещах, словно стигматы, неизвестно откуда, – с потолка, изображающего восточную звездную ночь? – они освещают распятия, мадонн, короны с рубинами и бриллиантами, инкрустированные тирары, ониксовые камеи, эбен и кораллы, чехлы из серого бархата в небольших ящичках из слоновой кости, где на вышитых подушечках покоятся рядом черепа святого и его матери с сохранившимися зазубренными челюстями, жемчужина на которых скрепляет белое кружевное покрывало, за прозрачным футляром из горного хрусталя сквозь тюль видны рубины, сверкающие в глазных впадинах. В продолговатых остенсориях на металлических подставках покоятся украшенные перстнями кисти рук великих мучеников, их ноги росли еще долгое время после кончины, под пожелтевшей растрескавшейся плотью видны кучки пыли (ведь пыль – не что иное, как свидетельство распада, разложения всех предметов)...

Король, владевший коллекцией и прогуливавшийся во время вечеров среди аллегорий добродетелей, вырезанных на принадлежавших ему алтарных барельефах, яшме, аметистах, сердолике и лазурите, поведал исповеднику о желании оставить после смерти свое тело бальзамировщикам, которые должны будут разделить его на части и тайно разместить среди святых мощей и реликвий, что, украшенные драгоценными камнями, предстанут перед публикой в свете лучей в черной комнате, но исповедник, оказавшийся, несмотря на белизну батиста, двуличным, выдал кощунственное желание Папе, и тот отлучил короля от церкви. Тогда король приказал убить исповедника.

Кладбище капуцинов

90 Кладбище капуцинов находится в Риме в начале улицы Венето в основании церкви Непорочного Зачатия, где в золотом остенсории, бережно обернутое в алый шелк, покоится сердце той, которой явилась здесь Пресвятая Дева; ее бледное, припудренное тело, укутанное вуалью, хранится в раке, у которой стоят на коленях слепые девушки, хрустальными голосами вознося к ней молитвы, дабы она вернула им зрение. Это длинный коридор, по левую сторону которого – шесть расположенных рядом часовен, а справа – подвальные окна, откуда проникает немного света, вход охраняет монах-капуцин с белой бородой, у которого сквозь вырез монашеского облачения проглядывают обвязанный вокруг шеи платок и пожелтевшая от умерщвления плоти майка. Когда этот человек видит, что некоторые подозрительно ведущие себя иностранцы надолго останавливаются возле каждой часовни, он странно прерывисто машет руками, как если бы вытаскивал штопором из виска себе мозг или грозился устроить такое гостям, громко бормочет и бежит по плитам в своих кожа-

ных сандалиях на босу ногу, дабы прогнать посетителей, которых подозревает в намерениях более темных, нежели простая молитва у гроба, может быть, те хотят сделать снимок или что-то стащить, может быть, они хотят написать на святых мощах похабщину. Дневной свет еле сочится в подвальные окна, защищенные глубоко вбитыми в камень железными прутьями, и в светильниках из тонких ребер и незаметно перевязанных проволокой берцовых костей уже нет свечей, что когда-то освещали процессии да спектакли, отбрасывая на стены колышущиеся тени фигур с капюшонами. Здесь все сделано из костей: арки, своды, фризы, мозаики, орнаменты, украшения. В часовнях, своды которых подпирают колоннады крестцов, лежат груды черепов, выстланы ложа из бедренных костей, на которых простерты изможденные капуцины в монашеских одеяниях, иссушенных химическими реакциями здешней почвы, к скрещенным на груди рукам шнурками привязаны распятия из черного дерева, перламутровые четки, пожелтевшие ярлычки с черной каемкой, либо же они расположены стоймя, подвешены, сгорбленные, со сточенными затылками, в нишах, плывут на лодочках из лопаток детских скелетиков, племянники и племянницы Папы Урбана VIII, который привез из Иерусалима священную землю, дабы посыпать ею ниши, где стоят, тоже с ярлычками, распятия, сосуды из слоновой кости и кровавого

цвета свечи. Каждая из шести часовен представляет собой сооружение особого вида, отличающееся от остальных выбранными за основу костями, друг друга последовательно сменяют челюсти и позвонки, лопатки и ребра, схожие по форме с мозгом крестцы. Здесь покоятся останки четырех тысяч монахов-капуцинов, умерших в Риме в благоухании святости меж 1525 и 1870 годами, а также зуавов, павших в сражении при Порте Пиа в 1870 году, плюс те князья, что пожелали быть переодетыми после смерти в облачения капуцинов, – все они были выкопаны, кости их были разъяты, перемешаны и затем вновь собраны рукой капуцина-священника французского происхождения, имя и судьба которого неизвестны. Мотив летящего черепа, для крыльев которого использовались перевернутые и усеянные тонкими бороздками лопатки, повторяется в каждой часовне, а в самом конце, у последней ниши посетителя настигает крылатая смерть в виде парящего в воздухе малорослого скелета с серпом из обломков ключиц, весами и песочными часами в руках.

Хотя доступ к каждой часовне прегражден железной оградой в половину человеческого роста, в самых доступных местах на костях углем выведены заурядные римские имена. Посетители, как правило, либо изумлены, либо дрожат от страха посреди этого мрачного скопища и чаще всего там не мешкают, тот же, кто вдруг возвращается чуть назад, удержи-

вается, – сразу же пробуждает у охранника подозрение, и он того подгоняет, посетитель же напрасно пытается его подкупить. Гость возвращается на следующий день, переодевшись, но монах узнает его и сразу же выдворяет. На третий день, разъяренный подобной травлей, посетитель стрижет волосы, подумывает даже о том, чтобы взять напрокат церковное облачение, но монах по-прежнему распознает его, словно посланника преисподней. Фердинанд Грегоровиус в опубликованной в конце XIX века книге «Годы странствий по Италии» говорит, что в былые времена это кладбище по ночам служило местом весьма странных фарсов, когда здесь можно было увидеть величественно держащих голову дам в расшитых золотом богатых шелковых одеяниях, с безукоризненно бледной кожей, на которую падала тень черной мантильи. Они расхаживали и обмахивались меж мертвых капуцинов и вдруг теряли сознание, когда в темной нише показывался жуткий оскал маски комедианта.

Музей медицинской школы

94 В конце лестницы, в глубине коридора, после учебных аудиторий и анатомических театров, холодильных камер – темная запыленная дверь, табличка: «Анатомическая лаборатория», – звонок. Затем в еще более темном тамбуре появляется женское лицо, женщина выслушивает посетителя, который, как он говорит, приехал сюда из столицы специально, чтобы посетить музей, но у нее нет права открыть ему, он просит, не сходя с места, продолжая механически произносить фразы, заклинает, надеется ее околдовать, и она поддается на его увещания, берет связку ключей, оставляет его одного. Дверь в галерею распахнулась, впереди – длинный коридор, по бокам которого – закрывающие собой все стены высокие витрины и большие шкафы из темного дерева, где посетитель уже различает меж белых тканей лица, ортопедические инструменты, подкрашенные каждый на свой манер круговые срезы человеческих тел в стеклянных сосудах, зародышей, уродов, скелеты; по бокам центрального коридора стоят также небольшие низкие стеклянные витрины, где пред-

ставлены предметы меньших размеров – заливные воском разрезанные члены, слепки вагин и анатомические препараты, похожие на те, что хранятся во флорентийском музее: простертые целиковые срезы тел, вылепленные из воска, со вскрытым животом, разрезанные, распоротые, с вывернутой наизнанку кожей, пришпиленной к основе булавками. Его бьет дрожь, он не знает, куда идти, на что смотреть, ему почти хочется убежать отсюда, подняться в воздух и унести прочь, исчезнув в разбитом оконном проеме. В одной из витрин, на искривленном рахитичном скелете карлика, у которого не хватает берцовой кости, он замечает написанный синими чернилами полустершийся ярлык и начинает его читать: это был акробат, совершавший на ярмарках, несмотря на маленький рост, невероятные прыжки, однажды он продал свое тело факультету, чтобы сложить немного денег в кубышку, но ту сразу же украли у него из вагончика, он умер с тоски, и какой-то человек – вероятно, безумец – принес однажды в спрятанной под пальто большой сумке его скелет, который обнаружили много месяцев спустя на помойке, – вот, почему теперь в витрине у карлика не хватает кости. Посетитель переходит от витрины к витрине, пытаясь отыскать аномалию, схожую с его собственной, но видит лишь срезы препарированных голов, лица стариков с усами, прикрепленными небольшими скобками к металлическим стержням, раскра-

шенные восковые муляжи источенных болезнью членов и анусов, высунутые языки, усеянные ранами и гнойниками, померкшие лица горюющих сифилитиков, цвет и печаль глаз которых воссоздает расписная эмаль. В разных местах в центре коридора стоят академические экорше – одни важничают, другие в позах танцоров – с поднятой вверх рукой или изображая Короля-Солнце, склоненного над огромной тростью, – они словно детки в манежах, узники, охваченные кольцом заграждений. Он бродит по музею уже более получаса, дверь позади в коридоре осталось приоткрытой, за ней темно и пусто, никакого намека на женщину, что пустила его сюда под его собственную ответственность, как она сказала на случай, если он соберется устроить пожар или свалиться в обморок. Он на скорую руку делает несколько снимков, но витрины начинают позвякивать, дерево трещать, на него обрушивается что-то невидимое. Он прячет фотоаппарат и идет прочь. Благодарит женщину. Половина пятого. Час, когда дети выходят из школы и каждый день, проходя вдоль реки, бросают в эти непроницаемые окна камушки, чтобы тени внутри встрепенулись.

Новый способ бальзамирования профессора Буатара

Этот способ придумал я сам и, должен признаться, использовал его на практике лишь два раза, первый – с трехлетним ребенком, второй – со щенком. За сохранностью тела ребенка я мог наблюдать лишь два года, поскольку потом его отец умер, выразив в последней воле желание, чтобы сына похоронили с ним в одной могиле, что и было исполнено. Сохранность тела ребенка была на тот момент такой же, что и в самом начале. С тех пор минуло лет двадцать.

Тело было мне передано 15 марта 1826 года отцом после получения всех необходимых разрешений, и он молил меня не производить, если это возможно, никакого вскрытия, поскольку он собирался в дальнейшем хранить тело в стеклянном ящике.

Первое, что я сделал, это убрал волосы ребенка под специальную шапочку и тщательно смазал тело топленным свиным салом. Затем я положил на брови и веки с длинными ресничками небольшие полоски размягченной в воде бодрюшной пленки, дабы гипс, которым я должен был воспользоваться, не вырвал

ни ресничек, ни бровей. Я взял формовочный гипс тонкого помола, развел в воде и облил им лицо так, чтобы не сдвинуть полоски. Дабы гипс не стекал с боков, я заранее обложил нужную мне поверхность свитыми кусками ткани. Когда гипс затвердел, я осторожно его снял, отсоединив от слепка приставшие полоски пленки, и с удовлетворением заметил, что они полностью сэкономили ресницы и брови. Я положил гипсовую маску сушиться в тени на свежем воздухе.

Я извлек глаза, вынув их из орбит с большой осторожностью, дабы не повредить глазное яблоко. Затем тихонько обтер их ватой и, воспользовавшись циркулем с изогнутыми остриями, измерил с двух сторон диаметр и записал параметры на белой картонной карточке, указав на ней также размер радужной оболочки. На той же картонке я тонкой кисточкой обозначил основные оттенки радужки и их последовательность. Дабы перед этим лучше различить оттенки, после смерти потускневшие, я на несколько минут опустил глазное яблоко в стакан с водой. Картонная карточка была отправлена в Париж эмальеру, что по означенным размерам и цветам изготавливает искусственные глаза.

Через глазные орбиты я много раз погружал и вынимал маленькую железную палочку во впадину, где находится мозг, и вращал ею, чтобы разорвать мембраны и как следует разделить внутренности. Моей целью было

проторить дорогу раствору, что должен омыть все органы. С той же целью, воспользовавшись различного размера шильями, я открыл доступ к мозгу через рот и уши.

Токарь выточил для меня из самшита множество конических трубок с проделанными вдоль дырочками. Я собирался ввести трубки в естественные отверстия и сделанные мною надрезы, дабы способствовать проникновению консервирующего раствора в полости и ткани тела. Я назвал эти трубки проводниками.

99

Я разместил по проводнику в обеих глазных впадинах и еще один во рту; проделав это, я поднял руки ребенка и сделал под мышками два узких глубоких надреза, через которые вставил в грудную полость длинный стержень, дабы прорвать оболочки и несколько раз проколоть внутренности. Я продел стержень в разных местах в мышцы меж ребер, вдоль позвоночника, крайне осторожно, чтобы не проколоть кожу, это легко сделать, если заранее положить руку на место, где острие стержня может выйти наружу, и, почувствовав, что острие под рукой близко, перестать толкать стержень глубже.

Преимущество этого способа заключается в том, что раствор, проникая в тело, не застаивается, как это происходит при простом вымачивании, – тогда он со временем прекращает действовать, – в данном случае эффект гораздо сильнее; когда же становится ясно,

что эффект ослабевает, – то есть каждые четыре–пять дней, – тогда тело извлекают из раствора, жидкость сразу вытекает, из отверстий трупа все выливается, и, когда его вновь погружают в емкость, на место старого и ослабевшего раствора поступает новый.

100 Далее я перешел к брюшной полости, внутренности которой проткнул в нескольких местах длинным стержнем, который ввел внутрь через прямую кишку. В то же самое время я во многих местах проткнул изнутри мышцы спины и ягодиц и вставил еще один, довольно длинный проводник, чтобы добраться до диафрагмы.

Мне оставалось обработать нижние конечности, дабы они также могли пропитаться раствором, поэтому я сделал несколько небольших надрезов, один возле костного сочленения с внутренней стороны бедра, другой под икрами, третий на ступнях. В каждый из надрезов я погружал штырь, прокладывая внутри множество ходов вдоль мышц, дабы раствор распространился повсюду.

Подготовив тело, я растворил в спирте, разбавленном до восемнадцати градусов дождевой водой (дистиллированной не было) столько сулемы, сколько могла принять жидкость, затем собрал получившуюся соль в маленькие пакетики и бросил их в емкость для тела. Сделав таким образом раствор в деревянном резервуаре, я погрузил в него труп так, чтобы он был полностью закрыт жидкостью, и оста-

вил его там до первого июня, то есть на два с половиной месяца. Каждые пять-шесть дней я снимал крышку, что закрывала ванну, дабы жидкость не испарялась, затем вынимал труп, чтобы раствор вытек из всех полостей и его можно было обновить, затем опять клал тело в ванну.

Когда оно полностью пропиталось сублиматом, я его вытащил и положил на сквозняке для просушки; после того, как жидкость вытекла и, пока тело оставалось довольно мягким, чтобы можно было закрыть надрезы, проводники я не вытаскивал, будучи уверенным, что с их помощью внутренние полости просушатся лучше, ибо к ним поступает воздух.

Пока труп подсыхал, я действовал достаточно быстро. Из-за постоянной жары начался ожидаемый мною процесс: мышцы одрябли, голова выглядела так, как если б человек умер от истощения сил. Мне удалось устранить помеху посредством мелкой кудели, смоченной в сублимированном растворе, которую я вставил через рот и с ее помощью не дал одрябнуть коже; точно так же я поступил с носом, пропихнув кудель в ноздри; мне удалось устранить размягченность по всему телу с помощью надрезов, сделанных внутри скальпелем, который я продел туда через рот, он проторил путь щипцам и кудели.

Все это я совершал невероятно тщательно, поскольку хотел наделить труп, насколько было в моих силах, всеми видимыми при-

знаками жизни и, главное, придать схожесть с тем, кем он когда-то был. Поэтому мне весьма пригодилась гипсовая форма, и вот каким образом.

102 Я растопил воск и вылил его в гипсовую форму, которую перед тем смочил, дабы воск с нею не склеился. Так получилась маска, давшая мне точные размеры прототипа; взяв линейку и циркуль, я приблизился к моменту, когда мог вернуть точные пропорции каждой части лица. Не следует страшиться мелких сложностей, которые, казалось бы, вызывает такая задача, ибо отчасти сложности исчезают, когда принимаешься действовать. Я вынул проводники и сблизил края надрезов. Вставив в орбиты немного кудели, расположил в них глаза из эмали, чуть опустил веки и придал надлежащий вид ресницам.

Когда тело совсем подсохло, я приступил к новым приготовлениям.

Прежде я большой кистью промазал все тело смесью из канадского бальзама, скипидара, мелкой мастики и воска. Все это следует поместить в склянку и подогреть на песочной ванне, время от времени встряхивая бутылку, чтобы все компоненты перемешались; если требуется, можно добавлять эфирное масло, дабы смесь получилась текучей и легко ложащейся.

Когда слой на теле подсох, я смочил смесью холщовые полоски и обернул ими все части тела так, дабы они приобрели первоначальную

толщину, затем еще раз обернул все лентами уже без смеси, но вымоченные перед тем в сублимированном растворе. Голову я обернул пропитанными смесью полосками, чтобы лицо оставалось открытым, и сделал это так, дабы потом их можно было спрятать под шапочкой, которую в конце я должен был надеть на ребенка. Руки обернул пропитанными смесью лентами всего два–три раза и затем обернул по отдельности каждый пальчик. Затем надел на кисти рук белые льняные перчатки, также вымоченные заранее в сублимированной жидкости.

103

После я занялся внешним обликом. Взяв палитру и масляные краски, которые разбавил эссенцией, я приготовил сначала основной оттенок, смешав свинцовые белила, киноварь, немного сиены и гуммилака. Я не могу привести здесь их точные пропорции, поскольку каждую краску следует добавлять до тех пор, пока не будет найден точный оттенок, соответствующий живой коже. Я трижды покрывал все краской, дождавшись сначала, когда высохнет первый слой, потом второй. Дабы не оставлять следов ворсинок, я наносил краски барсучьей кистью, как это делают художники.

Я подкрасил губы, краешки век и уголки глаз смесью белой краски, гуммилака и киновари, к которым добавил немного красно-коричневого, дабы чуть усилить мерцание этих оттенков. Позаботился также о том, чтобы

слегка оттенить розовым щечки. Когда краска высохла, я покрыл все прозрачным лаком.

104 После я перешел к одеянию малыша. Ему надели белые чулочки, башмачки из красного сафьяна, белое опоясанное лентой платьице и красивую шапочку. Я положил его в ящик из красного дерева, который потом закрыли стеклянной крышкой, по всему периметру которой я наклеил бумажные полоски, дабы внутрь не проникали ни воздух, ни пыль. В таком превосходном состоянии он и хранился до тех пор, пока погребение не сокрыло его от дальнейшего наблюдения.

Дворец желанных уродов

Павильон этот – круглый, – он разделен на камеры, и каждая особенная. Свет туда проникает, а вот люди, попавшие в павильон, при выходе должны присягнуть, что не проговорятся об увиденном. Пациенты павильона находятся там не для изучения, их держат из жалости, из сострадания. Их не фотографируют, не записывают, что они говорят. Существа, что произвели их на свет, сразу же были преданы забвению, рассказы о подобных учреждениях навлекли бы позор на наше общество. Каждый год платятся специальные налоги, которые потом тайно перечисляются тератологическому павильону. Проблема же заключается в том, что его обитатели не умирают, размножаться они не могут.

Вот несколько экземпляров, за которыми я мог наблюдать, презрев все законы или же избежав участи находиться среди собратьев.

Растущие на коже чешуйки или мох – один из самых распространенных случаев, их не счищают, поскольку тогда они становятся только гуще, сам я от этого был избавлен; тем не менее, чешуйки производят осо-

бый эффект, когда отбрасывают серебристые или золотистые блики, однако же не следует пытаться оторвать их, ибо они соединены с кожей плотнее, нежели ногти, и еще говорят, что оторванные чешуйки – это украденные воспоминания и часть души. Когда мох меняет цвет и становится таким же густым, как волосы, подопечным из чистого милосердия выдают веретено и прялку, чтобы они могли прясть...

Люди с песьими или волчьими головами меня пугали, тем не менее, они были милее всех; зимой замерзшие слезки остаются висеть у них на шерсти, они рыкают, их губы приподнимаются, показывая клыки, члены взбухают, и никогда нельзя с уверенностью сказать, так ли уж они добры в самом деле...

Для человека, у которого голова была в четыре раза толще тела и весила столько, что он не мог ее держать, построили круглый зал с большим пуфом в центре, на котором высилась голова. Таким образом тело его могло перемещаться ползком, следуя медленному движению солнца. Когда наступала ночь, он терял сознание, каждый вечер он думал, что слепнет. Говорили, что страдания этого человека безмерны, но сам он никогда не видел ни одного человеческого существа, пища к нему поступала через люк в потолке, он верил, что открывавшая люк рука, которую он иногда успевал заметить, была рукой Бога...

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «KOLONNA PUBLICATIONS/
МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ
ЭРВЕ ГИБЕРА**

108

БЕЗ УМА ОТ ВЕНСАНА

В 1989 году Эрве Гибер опубликовал записи из своего дневника, посвященные Венсану – юноше, который впервые появляется на страницах книги «Путешествие с двумя детьми». «Что это было? Страсть? Любовь? Эротическое наваждение? Или одна из моих выдумок?»

ПРИЧУДЫ АРТУРА

Я хотел рассказать историю святого, живущего в наши дни и проходящего все этапы, ведущие к святости: распутство и жестокость, как у Юлиана Странноприимца, видения, явления, преобразования и в то же время подозрительная торговля зверями. В конце – одиночество, нищета и, наконец, стигматы, блаженство.

ГАНГСТЕРЫ

Эрве Гибер написал «Гангстеров», когда уже был болен неизлечимой болезнью. Он ни разу не упоминает ее, но повествование наполнено страхом смерти. Критик газеты Le Monde назвал эту книгу «трактатом о боли».

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «KOLONNA PUBLICATIONS/
МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ
ЭРВЕ ГИБЕРА**

ПУТЕШЕСТВИЕ С ДВУМЯ ДЕТЬМИ

109

О чем бы Гибер ни говорил – о любви, о садомазохизме, о путешествиях или о фотографии, – он каждый раз недосягаем. Всегда извращенный, он никогда не бывает непристойным. Его изысканность и утонченность придерживаются суровых правил.

МАЛЬВА-ДЕВСТВЕННИК

Не сам ли Гибер скрывается за этими странными персонажами, меняющими имена и представляющими в образах юного девственника, пылкого любовника, жертвы землетрясения или ученика, провожающего великого философа до могилы? Наверняка не скажешь, поскольку на страницах книги есть и три женских портрета: консьержки Мэме Нибар, которую преследуют невероятные несчастья, лукавой директрисы музея восковых фигур и молоденькой соседки, бросающей игру на пианино. В этой книге Гибер говорит без утайки, рассказывает всё о себе и других, то, о чем все думают и чего говорить не следует, и порой это даже больше, чем чистая правда.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «KOLONNA PUBLICATIONS/
МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ
ЭРВЕ ГИБЕРА**

110

ПРИЗРАЧНЫЙ СНИМОК

Была ли у Эдипа фотокамера? Эрве Гибер рассказывает в «Призрачном снимке» о своем восприятии фотографии, встречах с работами знаменитых фотографов, снимках родителей, друзей и людей неизвестных. Эти снимки говорят о важных и мимолетных чувствах, о тайнах и плотских фантазиях. Кто из нас не чувствовал себя парализованным перед фотообъективом? Выйдя из темной комнаты, где он занимался колдовскими проделками, Гибер показывает, как природа самих кадров объединяет атомы ребенка, матери и отца и определяет будущее семьи.

ОДИНОКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Книга о встречах и путешествиях, о желании и отращении, о кошмарах любовного воздержания, которое иногда возбуждает больше, чем утоление страсти.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «KOLONNA PUBLICATIONS/
МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ
ЭРВЕ ГИБЕРА**

СМЕРТЬ НАПОКАЗ

III

«Смерть напоказ» – это рассказ о любовном акте, который не заканчивается оргазмом, а продолжается убийством, смертью и длится за ее пределами. Мешаясь друг с другом, вещают тело убийцы и тело убитого. Лирический и непристойный гимн гомосексуальному оргазму, небольшой трактат об извращенной анатомии, препарирование тела и процесса написания текста. «Смерть напоказ» прославляет то, что в грязных газетных сводках сужают до «преступления на любовной почве». Это первый опубликованный текст Эрве Гибера, которому исполнился 21 год.

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications» можно приобрести в *Москве*:

«Фаланстер», Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Москва», ул. Тверская, д. 8
«Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5
«Индиго», ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Циолковский», Большая Молчановка, д. 18
«Dodo», ул. Солянка, д. 1/2, стр. 1

в *Санкт-Петербурге*:

«Порядок слов», Наб. Фонтанки, д. 15
«Все свободны», Наб. Мойки, д. 28, второй двор
«Мы», Невский проспект, д. 20

через *Интернет*:

«Ozon» ozon.ru
«Книга» kniga.ru
«Esterum» esterum.ru
«Petropol» petropol.com
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на *Украине*:

«Либра» librabook.com.ua

По вопросам оптовых продаж наших книг обращайтесь
в Книготорговую компанию «Медленные книги»:
www.slowbooks.ru; тел.: (499) 258-45-03
Национальный книжный дистрибьютор
«Книжный Клуб 36.6», тел. (495) 926-45-44
Все книги нашего издательства можно заказать
наложенным платежом в редакции на сайте mitin.com

Эрве Гибер

ПОРОК

КОЛОННА PUBLICATIONS

Россия, г. Тверь, улица Брагина, д. 6, офис 301
Подписано в печать 1 мая 2015. Тираж 500 экз. Заказ 1-в66,
Формат 70×100/32, объем 4,5 п. л. Гарнитура ITC Charter.
Отпечатано в типографии РООАМК СМБ (Российского
общества отрицания американского доллара как символа
мещанского благополучия (филиал федерального движения
владельцев региональных автомоек «О.Б.А.М.А.Ч.М.О»
при союзе сторонников продолжения тщетных поисков
национальной идеи), 403113 Россия, Волгоградская область,
г. Урюпинск, ул. Памяти полного опасностей путешествия
апостолов на север, д. 16, тел./факс (84442) 4-04-74